Возможно, на этот раз

Автор:
Кейси Уэст

Возможно, на этот раз

Кейси Уэст

Повезет в любви

Свадьбы. Похороны. Дни рождения. Назовите повод, и Софи Эванс будет там, ведь девушка – флорист, поэтому отвечает за оформление всех главных событий, которые происходят в ее маленьком городке.

Когда на тех же самых мероприятиях начинает появляться Эндрю Харт, сын лучшего шеф-повара в городке, то сразу же очаровывает всех своими манерами. Всех, кроме Софи, которая считает парня высокомерным придурком.

При этом у Софи есть мечта: собрать портфолио, которое поможет ей поступить в школу дизайна. Поэтому девушке некогда отвлекаться на различные глупости. Но каждая новая встреча с Эндрю лишь усложняет ей жизнь. По крайней мере, Софи считает именно так. Или считала до поры до времени?..

Кейси Уэст

Возможно, на этот раз

Посвящается моему прекрасному свадебному букету, который выбросил мой супруг. «Эти цветы уже были мертвы!»

Покойтесь с миром.

1

Kasie West

MAYBE THIS TIME

Published by arrangement with Scholastic Inc., 557 Broadway, New York, NY 10012, USA и литературного агентства Andrew Nurnberg

Дизайн обложки Е.Климовой

Copyright © 2019 Kasie West. All rights reserved

© А. Филонова, перевод на русский язык

© ООО «Издательство АСТ», 2020

Глава 1

День святого Валентина

Ужин в доме престарелых

ТЮЛЬПАН

Тюльпаны вырастают из луковиц и цветут весной. И тем не менее в один прекрасный день кому-то пришла в голову идея: «А давайте продавать их на день святого Валентина?» – и все почему-то согласились. Конечно, они не популярнее роз, но дешевле. Идеальный заказ для дома престарелых.

Буфет был словно из мультфильма про Хелло Китти: феерия в красно-розовых тонах. Цветы – мой вклад в оформление вечеринки – украшали каждый стол.

Я внимательно разглядывала один из букетов, пытаясь понять, почему он казался немного странным – помимо блестящих розовых сердечек на вазе, от которых мне отчаянно хотелось избавиться. Стебли тюльпанов были достаточно толстыми, и зеленый цвет смотрелся бы очень стильно, но решать было не мне. Обертку выбрала моя начальница. Как будто конфетти в форме маленьких красных сердечек, рассыпанного по скатертям, и красных надувных сердец, привязанных к стульям, было недостаточно. Но, если я пыталась что-то предлагать, Кэролайн постоянно напоминала мне: «Милая, ты ломишься в открытую дверь. Это для клиентов». Она была права: клиенты точно были бы в восторге. И, если честно, мне было слишком все равно, чтобы спорить. Должность помощницы городской флористки никогда не была работой моей мечты. Но деньги есть деньги, и они были мне нужны, если я хотела поступить в дизайнерскую школу в Нью-Йорке. А я очень этого хотела. Всей душой.

– Ага. – Заметив розовый тюльпан, который выбивался из общей цветовой гаммы, я вытащила его из букета и заменила красным. – Так-то лучше.

При взгляде на цветы перед глазами у меня пронеслась картинка: девочки в ярких летних платьях, вышагивающие по тюльпановому полю.

– Софи, – послышался голос Кэролайн. Она вошла в буфет, неся в руках очередную связку воздушных шариков. – Отличные букеты.

Я вздрогнула, и девочки в платьях растворились в воздухе.

– Спасибо.

В магазине «Всякий случай» в основном продавались цветы, но в таком маленьком городке, как наш, Кэролайн также исполняла роль организатора вечеринок. Люди приходили к ней в магазин за букетами, а выходили на улицу с поминутным планом предстоящего мероприятия. Кэролайн не раз шутила, что могла бы продавать мед пчелам.

– Ты сейчас случайно не была в фургоне? – спросила она.

– Нет, я здесь уже довольно давно.

– Можешь посмотреть, не оставила ли я там подарочные пакеты? Они должны быть в двух картонных коробках.

– Конечно. – Я вытерла руки о передник и собрала ведра и другие инструменты, чтобы их унести.

Выйдя на улицу, я открыла задние двери фургона и закинула ведра внутрь. Развязав фартук, засунула его в бардачок. Подарочных пакетов видно не было. Зато взгляд зацепился за альбом для дизайнерских эскизов, лежащий на рюкзаке. Он был туго стянут кожаными шнурками, чтобы страницы не развалились. Я достала его в приступе вдохновения, но Кэролайн позвала меня прежде, чем я успела закончить набросок.

Я пролистала несколько страниц с рисунками, кусочками ткани и засушенными листьями и остановилась на наброске блузки, над которым работала. Присмотревшись к нему, я нахмурилась. И о чем я только думала? Штрихи получились торопливыми и неаккуратными. Жаль, у меня, как всегда, не было возможности посвятить альбому больше времени. Я надеялась, что его содержимое понравится приемной комиссии и вузы будут рады видеть меня в рядах своих студентов. Особенно учитывая тот факт, что дизайнерского опыта как такового у меня не было.

– Софи!

Я оглянулась. Навстречу мне из дома престарелых бежала Мика, моя лучшая подруга. Улыбнувшись, я убрала альбом и повернулась к ней.

– Привет! Как ты тут оказалась?

– Охренеть, ты постриглась!

Я запустила руку в волосы. До вчерашнего дня у меня были длинные темные локоны, но потом я сделала ассиметричное каре до плеч. Все еще непривычно.

– Я говорила, что собираюсь.

– Знаю, я просто не думала, что ты все-таки это сделаешь.

Она не думала?

– Тебе не нравится?

– Чего? Нравится! Тебе очень идет. Глаза теперь кажутся огромными.

– Спасибо.

На Мике был костюм официантки: черные брюки и белая рубашка с воротничком, который она постоянно теребила: очевидно, он натирал ей шею.

– Знаешь, если ты позволишь мне немного ушить рубашку, станет в миллион раз удобнее. – Я ухватила пальцами ткань на талии. – А еще можно поправить воротник. Я могла бы убрать здесь…

– Ага, конечно. – Она отпихнула меня. – Уверена, мой папа будет в полном восторге, если ты начнешь баловаться с его униформой. – Отец Мики был владельцем небольшого ресторана и единственным на весь городок поставщиком провизии. Мика указала на свои рассыпавшиеся по плечам черные кудри. – Кстати об униформах: моя резинка для волос порвалась.

– Смотрится мило. Оставь так.

– Ведь волосы в еде – это так аппетитно.

– Уверена, в твоем чудо-ларчике найдется запасная резинка.

Так я называла ее пластиковый сундучок, который она хранила в багажнике своей машины. В нем были собраны предметы первой необходимости для причесок, макияжа, одежды и прочего – в бардачке не хватало места для таких штук, как дорожные сигнальные ракеты или шейные корсеты.

– Смейся сколько влезет, но этот сундук и твою задницу спасал неоднократно, – заметила Мика.

– Святая истина. – Мы прошли к машине, и подруга полезла в багажник. – Интересно, для чего этот сундучок предназначался? – мурлыкала я. – Может быть, для инструментов? Болтов и гаек?

– Для этого, Софи. Вот для этого. – Она улыбнулась, потом извлекла на свет резинку для волос. – Тебе ничего не нужно?

Я изучила ассортимент: серьги, лаки для ногтей, ватные палочки, пластыри, бальзамы для губ – все это было аккуратно рассортировано по разным секциям. Идеальный пример того, какой образ жизни Мика предпочитала вести: каждая мелочь на своем месте.

– Не, спасибо. – Я кивнула головой в сторону фургона. – Мне нужно достать подарочные пакеты.

– Это поэтому ты рисовала?

– Я не рисовала! – Прочистив горло, я объяснила: – Просто искала кое-что.

– Ну-ну. – Мика закрыла багажник, и мы вместе пошли к цветочному фургону. – Как, кстати, прошла свиданка с Кайлом прошлой ночью?

При упоминании Кайла сердце неприятно ухнуло.

– Не супер, – призналась я. – Ганнар спрятался на заднем сиденье его машины, пока мы ехали в ресторан, и через пять минут выскочил, чтобы нас напугать. – Я нахмурилась, припоминая выходку младшего брата. – Кайл чуть не разбил свой

новенький Мустанг. А потом весь остаток свидания только об этом и говорил.

Подруга поморщилась.

– Первые свидания всегда странные. Тебе стоит дать ему второй шанс.

– Не уверена, что он даст мне второй шанс, – вздохнула я. – Мой брат чуть не уничтожил его «малыша». По словам Кайла. Мне пришлось слушать об этом весь вечер. – Окинув свежим взглядом заднюю часть фургона, я наконец приметила пару картонных коробок за пассажирским креслом.

– Я бы дала тебе второй шанс, – сказала Мика. – И потом, Ганнар просто очарователен.

Кстати об этом. Я вытащила из кармана телефон и отправила брату сообщение: Ты сделал домашку?

Да. Хочешь увидеть паука? Я нашел паука под сервантом.

Фу. Нет.

– Значит, это все? – спросила Мика.

– Что «все»?

– Ты разочаровалась в Кайле после одного свидания? Так нельзя. Ты же прошла тест на совместимость. Он идеально тебе подходил.

Когда Кайл позвал меня на свидание на прошлой неделе, Мика заставила меня пройти какой-то онлайн-тест – мы хохотали над каждым вопросом. Я закатила глаза.

– Серьезно? Эта муть у тебя теперь нерушимая истина?

– Любые аргументы хороши.

Мика считала, что у меня есть нехорошая привычка: не давать парням шанса. Она была не так уж далека от правды. Но Кайл отличался от остальных. Он нравился мне. Так что, несмотря на то, что вчера мне пришлось вытерпеть подробнейшую лекцию о том, на что способен двигатель V8 в 435 лошадиных сил, я готова была признать, что первые свидания недостаточно показательны.

– Ладно, еще одно свидание.

Она улыбнулась.

– Хорошо. Он будет тут сегодня вечером?

– Ты можешь себе представить, чтобы его группа тут выступала? Старики бы взбунтовались.

– Я имела в виду, со своей бабушкой. Она сейчас живет здесь, в Уиллоу-Фолс, не так ли?

– Разве? На прошлогоднем мероприятии ее не было. Но может быть. Могу наверняка сказать, чего тут нет: его машины. Я все знаю о его машине.

– Это я уяснила. – Мика потянула резинку, проверяя, хорошо ли держится кудрявый пучок на макушке. – Окей. Пойду-ка я работать, дорогуша.

Она чмокнула воздух рядом с моей щекой и направилась обратно к зданию. Я обошла фургон и открыла боковую дверь.

– О! – Мика вдруг обернулась. – Мне надо тебе кое-что рассказать потом! Кое-что очень важное!

– Что ты хочешь мне…? – Не успела я закончить, как она уже исчезла за дверью.

Что-то важное? Важное в хорошем или плохом смысле? Зачем она это сделала? Ведь прекрасно знала, что теперь я сгорю от любопытства.

Глава 2

Я подтащила к себе картонные коробки Кэролайн, полные подарочных пакетов. Пустых, без подарков. Отлично. Теперь я знала, на что потрачу большую часть своего вечера. Поставив одну коробку на другую, я потащила их внутрь.

Мне удалось добраться до середины коридора, когда сзади вдруг донесся голос:

– Прошу прощения?

Я обернулась. За моей спиной стоял симпатичный молодой человек в приталенных джинсах, рубашке пастельного цвета и элегантной спортивной куртке. Он явно был не из местных. На лбу написано, что житель мегаполиса.

Я ответила ему вежливой улыбкой, надеясь, что разговор не займет много времени.

– Мероприятие начнется через пятнадцать минут, – сказала я. – Но пока вы можете подождать в вестибюле. Семьи уже собираются там.

Я знала в этом городе всех детей школьного возраста (а также большинство их живых и почивших родственников). Так что этот парень, скорее всего, приехал к кому-то в гости. Я попыталась соотнести его с кем-то из пожилых постояльцев приюта – Бетти? Карл? Лео? А может…

– Ты не отсюда, – сказал он, как будто озвучивая мои мысли.

Я перехватила коробки поудобнее. Они не были тяжелые – просто большие.

– Что?

– Ты не из Роксайда, – сказал он.

– Вообще-то как раз отсюда. Я тут родилась.

– А. Вот оно что. Я сначала не заметил твой южный акцент.

Я выпрямилась, чувствуя прилив гордости. Я очень старалась говорить почти без акцента, чтобы в колледже не оказаться белой вороной. Парень сделал несколько шагов вперед и вдруг протянул мне розовый тюльпан.

– Красивый цветок для красивой девушки.

Я насупилась. Серьезно? Я не знала, что и думать о таком бесстыдном романтическом жесте. Если я правильно трактовала его намерения. Правильно же?

Смерив взглядом коробки, я неловко обхватила их одной рукой, прижимая к бедру, и потянулась за цветком. Но не успела я взять его, как заметила тонкий зеленый проводок, вьющийся вокруг стебля и у основания бутона.

Я остановилась.

– Откуда он у тебя?

Вопрос, кажется, удивил его: улыбка дрогнула. Однако он очень быстро оправился:

– Неважно, откуда он – важно, кому он предназначен. – Парень все еще протягивал мне цветок.

Я поставила коробки на пол и взяла его. Ну конечно, проводок вокруг стебля был точно такой же, как и у сотен тюльпанов, которые я лично украшала этим самым утром. Целые часы моей жизни были проведены с мотком этого несчастного провода.

– Ты взял его из одной из ваз в буфете? – скептически осведомилась я.

Он кивнул.

– Да. Спас его из этой безвкусной тюрьмы. Он уже выглядит счастливее.

У меня отвисла челюсть.

– Без паники. Их там были сотни. Никто и не заметит.

– Без паники? – Я развернулась и зашагала в сторону буфета.

– Кажется, я тебя обидел, – произнес Капитан Очевидность, следуя за мной по пятам. Или Капитан Заносчивость? Возможно, эту фамилию стоило писать через дефис, потому что обе характеристики были в яблочко.

Остановившись в дверях, я принялась рассматривать букеты.

– Ты хочешь сказать, что сможешь определить, в которой из этих ваз я нашел этот самый цветок? – пробормотал он.

– Нашел? Да, я собираюсь с точностью определить, откуда ты украл этот цветок, учитывая, что именно я потратила последние восемь часов на то, чтобы собрать эти букеты.

Он кашлянул.

– Ох. Я что, сказал «безвкусные»? Я имел в виду… эм… «нарядные».

Я закатила глаза.

Он окинул меня взглядом, как будто оценивая. На мне была шелковая зеленая блузка с юбкой по колено в цветочек. Мой праздничный наряд. Но мне в принципе нравилось носить яркие цвета и вещи в классическом стиле, не только на работе.

– Дизайн этих букетов – все равно не твоих рук дело, – объявил он, – так что не знаю, почему ты обижаешься.

Я нахмурилась:

– Откуда тебе знать?

Он пожал плечами, будто не соглашаясь со мной, потом продолжил:

– И я все еще сомневаюсь, что ты сможешь определить, откуда я достал цветок.

– Смогу.

– Не пересчитывая цветы?

– В этой несуществующей игре теперь появились правила?

– Да! – с гордостью объявил он. – И если у тебя не получится по внешнему виду определить, в каком букете не хватает цветка, то у всех остальных это тем более не получится, и ты примешь мой подарок.

– Разве что-то украденное можно назвать подарком? – спросила я, начиная кружить между столами.

– Ну как, идет?

Внучок Лео и впрямь был надоедлив. А может, он был внучком Джона. Тот был известен своей требовательностью. Но, готова поклясться, с каждым из внуков Джона я познакомилась на прошлогоднем городском барбекю в честь Дня независимости.

– А если я выиграю? – спросила я.

Один уголок его рта дернулся в полуулыбке.

– Если ты выиграешь, то с меня дюжина цветов, за которые я заплачу.

– Дюжина цветов, которые в букет соберу я сама.

– Только если ты не станешь использовать фольгу.

Я прищурилась.

– Это называется «целлофан». И его не будет.

– Чувствую, букет получится недешевый.

Судя по его внешнему виду, это он вполне мог себе позволить.

– А я чувствую, что десятки цветов, которые ты украл в прошлом, заслуживают компенсации.

Он не стал спорить, и я окончательно уверилась в том, что моя догадка была верна. Я была далеко не первой девушкой, которую он попытался впечатлить таким подарком, полученным без лишних хлопот. Мой взгляд скользил из стороны в сторону: я то изучала его высокомерную позу, то снова возвращалась к поиску букета. Мне не потребовалось много времени, чтобы заметить неровную композицию. Он вытащил цветок с правого края, и от этого весь букет теперь казался кособоким. Вздохнув, я прошагала к нужному столу и вернула тюльпан на его законное место.

– Оранжевые лилии-калла – мои любимые, – заявила я, направляясь обратно к коридору.

– Ты что, видела меня, когда я его брал? – спросил он, когда я проходила мимо. – Поэтому знала?

– Нет, я же сказала. Я собирала каждый из этих букетов. Это было очевидно.

– Что ж, я впечатлен.

– Не стоит. И серьезно, не надо больше красть мои цветы. – Я покинула буфет, чувствуя, как он провожает меня взглядом.

В коридоре я вытащила из кармана телефон и отправила Мике сообщение: Внимание, экстренное сообщение! В коридорах замечен заносчивый гость. Контакт нежелателен.

Череда кресел-колясок показалась из-за угла и на мгновение загородила мне дорогу: несколько медсестер везли пациентов в сторону вестибюля.

– Софи, – обратился ко мне мистер Вашингтон, проезжая мимо. Его медсестра, Кейла, остановилась. – Кажется, у моей жены когда-то была такая же юбка.

– Это комплимент или просто констатация факта, мистер Ви? – спросила я.

– Разумеется, комплимент, мисс Софи. Вы прекрасно выглядите.

– Благодарю.

– Вы умеете завязывать галстук? – Он поднял руку, показывая мне ярко-красную ткань.

– Умею.

– Моя медсестра не знает, как это делается, – пожаловался он таким тоном, как будто этим навыком должны обладать абсолютно все.

– Виновата, – согласилась Кейла. – А ты откуда знаешь, Софи? В нашем городе не особо популярны званые ужины со строгим дресс-кодом.

– Когда мне было около десяти, я смотрела всякие видео на YouTube и практиковалась на одной из своих кукол, – объяснила я, завязывая галстук в петлю. – Моя мама была не в восторге от моего нового навыка, потому что, чтобы сделать галстук, я порезала одну из своих юбок.

– Забавно. Забыла, что ты увлекалась модой, – сказала Кейла. – Ты же хочешь поступать в школу дизайна или типа того, да?

Когда она спрашивала об этом вот так, буднично, то план этот казался всего лишь мимолетной мыслью, а не целью всего моего существования.

– Да.

– Вы подавали заявку на мою стипендию? – спросил мистер Вашингтон. – Вы ведь сейчас в предпоследнем классе?

Затянув галстук, я сделала шаг назад.

– Все верно. Но правила получения вашей стипендии не изменились, не так ли? Я думала, она только для студентов, которые хотят учиться в колледже в Алабаме. – Мистер Вашингтон обожал Алабаму сильнее, чем кто бы то ни было из моих знакомых, и он подкупал школьников поступать в местные колледжи вот уже более двадцати лет.

– Так и есть.

– А я хочу учиться в Нью-Йорке.

Мистер Ви нахмурился.

– Но ваша матушка говорила мне, что вы не можете себе это позволить.

– Я коплю деньги, и мой отец обещал помочь.

Должно быть, мои слова прозвучали резко, как будто я защищалась, поэтому он ответил:

– Это замечательно, но почему бы и не подать заявку? Нет ничего плохого в том, чтобы иметь запасной план.

Моя мама тоже очень любила так говорить: запасной план. У нее в голове я терпела поражение еще прежде, чем начинала пытаться.

Я кивнула.

– Я подумаю об этом.

О да, я собиралась очень обстоятельно подумать о том, как я ни в коем случае не стану этого делать. Через полтора года всем моим мечтам было суждено сбыться.

Глава 3

Когда я вернулась в буфет, неся коробки с подарочными пакетами, Капитана Заносчивость уже и след простыл. Слава богу. Зато там была Кэролайн: она хлопотала над колонками, которые установила рядом с растениями в горшках.

– О, прекрасно! – воскликнула она, подходя ко мне. – Я волновалась, что оставила их дома. – Она заглянула в одну из коробок. – Ну разве не прелесть? – Она подняла целлофановый пакетик, утыканный маленькими красными сердечками. – Они подходят к букетам!

– Мило, – сказала я, стараясь, чтобы это прозвучало искренне.

– А теперь, – произнесла Кэролайн, – будет здорово, если ты в каждый из них положишь розовой бумажной стружки и горсть вот этих шоколадных сердечек. Получатся отличные сувениры для гостей. Где-то тут еще должен быть моток ленты, чтобы их завязать. – Она огляделась по сторонам и уперла руки в бока. – Здесь собирать подарки нельзя – это не очень-то профессионально. Как думаешь, сможешь где-нибудь найти свободную комнату?

– Я могу пойти на кухню, – сказала я. – Мистер Уильямс никогда не возражает, если я занимаю стойку.

– Гм. Не думаю, что сегодня это сработает.

– Почему нет?

Она взглянула на свои часы.

– Ох, уже почти началось. Пока просто положи коробки в кладовку, займешься ими позже. Можешь сходить в вестибюль и проверить, все ли гости собрались? Если все готовы, пригласи их сюда.

– Хорошо. – Открыв чулан у входа в кухню, я засунула коробки под нижнюю полку и отправилась в коридор. В вестибюле уже собралось много людей, все они оживленно болтали.

– Добрый вечер! – попыталась я перекричать гул, но безуспешно.

Окинув взглядом гостей, я дала волю своему любопытству и попыталась определить, к кому в гости приехал Капитан Заносчивость. Но его нигде не было видно. Зато я заметила Кайла: он стоял рядом с бабушкой. Значит, она переехала в приют в прошлом году.

На Кайле были рубашка и джинсы, узел галстука он уже ослабил. Светлые волосы, как всегда, растрепались и лезли ему в глаза. Он улыбнулся мне, и я улыбнулась в ответ, чувствуя, как розовеют щеки. Возможно, не так уж мой брат все и испортил.

Наконец одна из медсестер громко свистнула и гаркнула:

– Тишина!

Я снова обратила внимание на толпу гостей.

– Я очень рада, что вам уже весело, – сказала я. – Если все в сборе, мы бы хотели пригласить вас внутрь, чтобы начать праздник. Пожалуйста, следуйте за мной.

Ведя толпу за собой по коридору, я остро чувствовала на себе взгляд Кайла.

Но я была на работе, и отвлекаться не следовало.

В буфете играла успокаивающая позитивная музыка.

– Добро пожаловать! – просияла Кэролайн.

Я придерживала дверь, пропуская всех гостей внутрь, поэтому слышала их восторженные охи и ахи. Кэролайн оказалась права: вычурные украшения пришлись всем по душе.

Кайл входил одним из последних и остановился рядом со мной.

– Не знал, что ты тут будешь, – сказал он.

– «Всякий случай» занимался доставкой цветов.

– А, точно. Логично, – кивнул парень.

– Тебя не попросили играть?

Мы с Кайлом учились в одной школе, но с тех пор, как я начала работать во «Всяком случае» (после того, как мое резюме отклонила «Швейная мастерская Минни», это было единственное заведение в городе, где мне действительно хотелось бы работать), иногда мы оказывались вместе на общественных мероприятиях.

– Думаешь, нашу группу бы здесь благосклонно приняли? – Усмехнувшись, он кивнул головой в сторону колонок. Группа Кайла в основном играла громкую и маловразумительную музыку, но по каким-то загадочным причинам ее вполне можно было слушать.

– Твоей бабушке не нравится ваша музыка?

Он рассмеялся, и, глядя на него, я улыбнулась.

– Увидимся, Эванс. – Он направился к центральному столику, чтобы присоединиться к бабушке.

Когда я уже собиралась закрыть двери в буфет, из кухни с кислым выражением лица выбежал мужчина в белом поварском халате. Пробубнив что-то себе под нос, он сердито прошагал по коридору, распахнул заднюю дверь и вышел на улицу. Его лицо показалось мне знакомым, но я не могла вспомнить, где видела его раньше. Получается, мистер Уильямс нанял себе помощника? Не думала, что он может себе это позволить. Он и так платил парню по имени Лэнс Лэнг, с которым мы с Микой вместе ходили в школу, – тот помогал ему на крупных мероприятиях.

Рядом со мной внезапно оказалась Мика.

– Куда он пошел? – спросила она.

– Эм… – Я показала пальцем, и она припустила вслед за сбежавшим поваром.

Я снова начала закрывать двери. Потом остановилась, оглянулась, увидела, что Кэролайн общается с какими-то гостями, и решила последовать за Микой.

Выйдя на улицу, я притворилась, что направляюсь к своему фургону: подслушивать незаметно я никогда не умела. Мика и мужчина в поварском халате стояли на тротуаре.

– Уверяю, для него ваше присутствие здесь – честь, – говорила Мика. – Для кого угодно это было бы честью. Вы же Джетт Харт.

Джетт Харт? Еле сдержав вздох удивления, я пригляделась к нему пристальнее. И правда он. Джетт Харт, ведущий кулинарного шоу «Готовим с душой», которое когда-то шло по каналу Фуд Нетворк. Он выглядел гораздо старше, чем тот повар с телеэкрана, каким я его помнила, но с тех пор прошло уже по меньшей мере десять лет.

Где он был все это время? Здесь? В Алабаме? Что он делал на этом званом ужине, посвященному Дню святого Валентина? Откуда Мика его знала? Мой мозг буквально затрещал от вопросов, ответов на которые я не знала.

– Это верно. Для кого угодно, – заявил Джетт напыщенным тоном.

– Пожалуйста, вернитесь, – сказала Мика. – Он послушает вас. Он просто старый и любит делать все по-своему.

– Старый и любит делать все по-своему? Не похоже на человека, который будет слушать.

– Он будет, я обещаю.

Только в тот момент я осознала, что так и замерла посреди дорожки, пялясь на них. Я заставила себя сдвинуться с места и зашагать к фургону.

Когда я проходила мимо Мики, она схватила меня за руку и подтянула к себе.

– Мистер Харт, это Софи Эванс. Она ваша большая поклонница.

Она привирала: когда его шоу закрыли, я была только во втором классе. Потом я пару раз видела повторные показы. Он любил покомандовать, ко всем придирался, вел себя высокомерно, хоть и был, несомненно, талантлив. Но я понимала, что Мике нужна моя поддержка в этом споре, и готова была, как всегда, прийти ей на помощь.

– Страстная поклонница, о да, – выдавила я. – Что вы творите с рыбой, сэр… Просто уму непостижимо.

Мика пихнула меня локтем в бок и прочистила горло.

– Закуски стоят на таймере… Кажется, время скоро истечет. Давайте лучше вернемся, пока мой папа их не спалил.

У ее отца закуски ни за что бы не подгорели. Он тоже был отличным поваром. Не таким знаменитым, конечно, – ни сейчас, ни десять лет назад – но блюда, которые он готовил, нравились всем.

Джетт фыркнул и направился обратно на кухню. Я удержала Мику за руку, чтобы не дать ей последовать за ним.

– Что происходит? С какой стати твоему отцу упускать таймер? Он готовит эти закуски уже сто лет.

– Потому что это не его рецепт. А Джетта.

– Джетт готовил закуски? Вы обновили меню ко Дню святого Валентина в доме престарелых? Он ведь не собирается готовить для них ничего суперэкстравагантного, нет? Серьезно, они только что восторгались воздушными шариками в форме сердец.

– Ничего страшного, – сказала она. Я всегда с легкостью замечала, если Мика вдруг чувствовала себя вне зоны комфорта. Сейчас был как раз такой случай: ее идеально спланированная жизнь вдруг подложила ей свинью. – Все образуется.

– Не сомневаюсь. – Я понятия не имела, что происходит, а потому не была уверена, насколько мои слова правдивы, но ей нужно было это услышать. – Это как раз те важные новости, которыми ты собиралась поделиться?

– Ага, – кивнула она. – Поподробнее расскажу позже. Сейчас мне еще надо побыть рефери.

– Окей. Удачи. – Я воодушевляюще улыбнулась ей, и она побежала к двери.

Из-за ее слов я растерялась и забеспокоилась. Джетт Харт был здесь, в Роксайде, штат Алабама – городе, где не происходило абсолютно ничего необычного. Мне хотелось верить, что это хороший знак – знак приближения захватывающих событий – но интуиция подсказывала, что все может получиться как раз наоборот.

Глава 4

– Тебе пришлось остаться на случай цветочной аварии? – раздался голос Капитана Заносчивость, когда я снова вошла в буфет. Он ошивался рядом с миской пунша. Держа в руке телефон, он взглядом изучал собравшуюся толпу.

Я доложила салфеток в пачку на столе.

– Мне сообщили, что тут рыскает один цветочный вор, так что…

Он ухмыльнулся.

– Тебе что, скучно? – спросила я.

– С какой стати? В вашем городе это, должно быть, самое увлекательное событие года.

Прежде, чем я успела озвучить свое негодование, ко мне с полным подносом еды подошла Мика. Судя по всему, закуски все-таки удалось спасти.

– Быстро, – прошептала она, – съешь одну.

– Зачем? – спросила я, окидывая поднос взглядом. Закуски были похожи одна на другую: квадратик какой-то неизвестной субстанции (хлеба?), покрытый красно-белым кремом, из которого торчала веточка зелени.

– Затем, что никто их не ест. По мне, довольно вкусно, но, может быть, я ошибаюсь.

Капитан Заносчивость подхватил один квадратик и отправил в рот.

Я продолжала разглядывать закуски, приготовленные Джеттом. Человек, из-за которого так суетилась и волновалась моя подруга, начинал меня не на шутку раздражать.

– Я знала, что не стоило проверять новое меню на этой публике, – сказала я ей. – Им подавай сосиски в тесте или те сырные шарики, которые твой папа шикарно готовит. Даром им не сдалось это элитное дерьмо от какого-то никчемного повара в отставке.

– Эм… – начала Мика.

– Что? – перебила я, пытаясь подбодрить ее. – Твой папа замечательный. Ему не нужна помощь какой-то потрепанной знаменитости. Что этот Джетт Харт вообще тут забыл? Он исчез с телеэкранов явно не без причины. И если даже дело было не в том, как высокомерно и бессовестно он вел себя на шоу, то подозреваю, что немалую роль в этом сыграла вот эта… непонятная ерунда, размазанная по закуске.

Я взяла странный квадратик в руку и понюхала. Пахло, на самом деле, даже не ужасно. Я решилась засунуть его в рот. Лакомство буквально растаяло на языке, как будто пробудив разом все вкусовые рецепторы.

Капитан Заносчивость прочистил горло.

– Вообще-то он исчез с телеэкранов, потому что хотел вести тихую жизнь в кругу семьи и помогать нуждающимся владельцам малых предприятий. Но кто-то,

конечно, может назвать этот образ жизни «никчемным». – Он слегка кивнул, потом взял поднос из рук Мики. – Дай я попробую, – и отошел.

Я замерла на месте, изо всех сил стараясь не поперхнуться.

– Я думала, ты знаешь, кто он, – прошипела Мика.

– Откуда мне знать? Я все еще без понятия – судя по всему, какой-то родственник Джетта?

– Его сын, – сказала она. – Эндрю Харт.

Ох.

– Я сволочь.

– Есть такое.

Я стукнула ее по руке.

– Это ты виновата. Почему ты мне не рассказала об этом раньше?

– Потому что я сама ничего не знала до прошлого вечера! – воскликнула Мика. – И я не хотела тебя беспокоить посреди свидания с Кайлом.

Я огляделась, проверяя, нет ли Кайла поблизости, но, к счастью, он все еще сидел за столом со своей бабушкой в другом конце комнаты.

– Мой отец подал заявку на участие в программе, которую организует Джетт Харт, – продолжила подруга. – Джетт дает советы владельцам малого бизнеса, а потом они могут использовать его имя, чтобы рекламировать предприятие.

– Софи! – Кэролайн помахала мне рукой, показывая на отвязавшиеся воздушные шарики. – Нужна твоя помощь!

Я рванулась в ее сторону, бросив взгляд на Мику.

– Потом расскажешь все подробности! – сказала я ей.

– Разумеется. А пока пойду выясню, как Эндрю удается впаривать всем закуски. Его поднос уже почти пустой.

– Эндрю Харт, – пробормотала я. Единственная мысль о нем уже раздражала. К счастью, наша первая встреча сегодня будет и последней.

* * *

– Год? Какой еще год? Что ты имеешь в виду? – завопила я.

– Тш-ш.

Мика сбрасывала недоеденные остатки еды в мусорное ведро и выставляла тарелки в специальные лотки, которые потом должны были отправиться в посудомоечную машину. Я стояла у стойки и собирала подарки. Оглянувшись, я убедилась, что, кроме нас, на кухне никого не было. Мистер Уильямс и Джетт кружили по буфету, собирая отзывы посетителей. Я предчувствовала, что в основном это будут жалобы: папа Мики не приготовил свое знаменитое картофельное пюре, а вместо него заставил несчастных гостей угоститься рукколой, политой бальзамическим уксусом.

– Такова программа, – спокойно объяснила Мика. – Год наставничества, а потом имя Джетта появится в названии нашего предприятия.

– Разве его имя до сих пор что-то значит? – тихо спросила я.

– Ты удивишься, но да.

Я схватила горсть розовой бумажной стружки и принялась запихивать в пакетик.

– Но что с этого имеет сам Джетт?

– Думаю, он действительно хочет заниматься полезной общественной работой, помогая процветанию малых предприятий, – пожала плечами Мика. – Кроме того, спустя год мы начнем отдавать ему определенный процент дохода.

– Что?

– Тш-ш-ш.

– Извини. Просто я думала, что у вас и так с деньгами не очень. Как делу поможет то, что вы будете часть дохода отстегивать Джетту?

– Он обещает поднять доходы предприятия на тридцать процентов, а после этого мы будем отдавать ему десять.

– Он вообще когда-нибудь пытался работать в настолько маленьком городе? – спросила я. Слова Мики меня все еще не убедили. – Сомневаюсь, что тут у вас получится поднять доходы на тридцать процентов. – Я бросила горсть шоколадных сердечек в очередной пакет.

– В этом-то и прелесть его имени, – сказала подруга, хватая очередную тарелку. – Оно позволит нам раскрутиться и расширить поставки в близлежащие районы. Придется больше путешествовать, но и зарабатывать мы будем больше. К тому же, Джетт Харт – знаменитый белый повар. Его имя поможет пробиться через стену нежелания некоторых людей сотрудничать с черным поставщиком провизии.

– Ох, – пристыженно выдавила я. В голову сразу пришли несколько конкретных семей, о которых, скорее всего, она говорила. Но я была уверена, что не знаю всего, с чем Мике приходится иметь дело, хоть мы и дружили с детского сада. – Ты права.

– А Эндрю поможет моему папе сделать веб-сайт.

Я поджала губы.

– Правда? Разве ему не нужно ходить в школу? Сколько ему лет вообще?

– Семнадцать. И нет, он работает вместе с отцом. Он на домашнем обучении.

– Откуда ты все это знаешь?

К тарелке, которую Мика держала в руке, прилип кусочек салата – она потрясла ее, и листок соскользнул в мусорку.

– Когда папа сказал мне вчера, что действительно выиграл, я прочитала весь контракт от корки до корки. А потом еще несколько часов собирала в интернете информацию, которой делились предыдущие участники программы.

Ну разумеется. Мика непременно должна была разузнать об этом проекте все до мельчайшей детали. Наверное, именно поэтому отец ничего ей не говорил, пока не был уверен, что все получится, на сто процентов.

– И каков твой вывод? – спросила я, все еще не до конца понимая, считает она этот план хорошей идеей или нет.

– Думаю, это правда может сработать. Другим предприятиям Джетт действительно очень помог.

– А сама ты в порядке? – спросила я, пристально рассматривая ее. – Раньше мне казалось, что ты расстроена.

– Я в норме. Просто переживала, потому что Джетт и папа спорили.

– Никак в толк не возьму: если твой отец сам подал заявку, с какой стати он сопротивляется переменам?

– Мне кажется, он думал, что Джетт приедет и будет такой: «Вау, у вас все уже и так восхитительно, вот вам мое имя и миллион долларов».

– Правда?

– Ну, не совсем так, но что-то типа того. – Она повернулась ко мне. – Я думала, тебя эти новости обрадуют больше.

– Извини, ты права, я очень рада. Я не знала, рада ли ты, поэтому сомневалась. Но это правда круто. Надеюсь, у вашей семьи все получится.

Она махнула на меня тарелкой.

– Нет, не за нас рада, хотя спасибо. Я имела в виду тебя.

Я нахмурилась.

– А за себя мне с какой стати радоваться?

– Ты понимаешь, сколько связей у этого Джетта Харта? – спросила она. Ее карие глаза буквально светились. – Он работал в Голливуде, жил в Лондоне и Нью-Йорке. Нью-Йорке, Софи! Этот чувак может быть твоим билетом в мир знаменитостей!

Голова у меня пошла кругом. Джетт Харт определенно имел связи в индустрии еды, но в индустрии моды? Гм-м. Может быть, он готовил для каких-то крупных дизайнеров или редакторов модных журналов. Может быть, он согласился бы организовать мне стажировку или хотя бы дал полезные контакты.

– Об этом я не подумала. Может, ты и права.

– Не стоит благодарности, – сказала она.

Я схватила моток ленты и ножницы. В голове всплыли собственные слова о Джетте.

– Как думаешь, Эндрю расскажет отцу, что я о нем наговорила?

Мика покачала головой.

– Сомневаюсь. Он, конечно, избалованный пижон, но, кажется, не из тех, кто при первом случае побежит жаловаться папочке.

– Выкладывай, – сказала я. Мика несколько часов исследовала подноготную этой семьи и, очевидно, об Эндрю тоже много чего накопала. Если мне предстояло терпеть его в течение целого года, нужно было хорошенько разобраться, с кем я имею дело.

Мика положила очередную тарелку в лоток и выпрямилась.

– Не так-то много я выяснила. За последние семь лет они с отцом жили в семи разных местах.

– И этим он оправдывает свой характер?

Дверь распахнулась, и Джетт Харт с мистером Уильямсом вошли на кухню, оборвав наши пересуды.

– Софи! – воскликнул мистер Уильямс, доставая из коробки несколько мисок и расставляя их по стойке в центре кухни. – Рад тебя видеть!

– И я вас.

Джетт Харт подошел к холодильнику и принялся собирать ингредиенты. Я скептически его рассматривала. Неужели Мика была права? Неужели он мог оказаться ключом к будущему семьи Уильямсов – и моему? Сердце у меня заколотилось, пока мозг пытался произвести на свет какую-нибудь остроумную и запоминающуюся фразу. Держа в руках кучу еды, он зашагал прямо на меня. Я оцепенела, приоткрыв рот.

Он остановился возле стойки, по которой были разбросаны материалы для подарочных пакетов.

– Что это? – спросил он.

– Сувениры? – промямлила я.

Пачка сливок для взбивания начала выскальзывать из его захвата.

– Ну так подвинься, – прорычал он.

Я засуетилась, складывая законченные пакеты на пол, чтобы освободить место. Мика подскочила ко мне и помогла сложить их в коробки.

– Мне весь день ждать? – рявкнул Джетт, ногой отпихивая одну из коробок с дороги.

Напряженное лицо Мики и мысли о собственном будущем заставили меня промолчать и не выдать что-нибудь резкое. У меня был год. Целый год на то, чтобы завоевать его расположение.

Глава 5

На мероприятиях часто приходилось тушить миниатюрные пожары. Сегодня это значило помогать миссис Уайт избавляться от соуса, которым она испачкала всю свою блузку, и не позволять мистеру Лэнгстону есть конфетти, которыми он посыпал еду, решив, что это просто какой-то симпатичный топпинг.

Но сейчас ужин в честь Дня святого Валентина подошел к моей любимой части.

Кэролайн вышла на середину зала с микрофоном.

– Дамы и господа! – начала она. – Прежде, чем вам подадут десерт, мы объявляем аукцион холостяков. Приготовьте ваши уиллоуфолские доллары. С парой, которую вы обретете сегодня, вы сможете разделить десерт или даже танец.

Я помогла нескольким пожилым мужчинам сформировать очередь рядом с Кэролайн, а потом отошла, чтобы понаблюдать за аукционом. Мне сразу стало ясно, что мужчин в очереди на право быть избранными будет гораздо больше, чем женщин. Какие-то женщины предлагали свою цену за нескольких мужчин, что мне казалось довольно забавным и интересным. Но когда вперед вышел последний холостяк, мистер Джон Фарнсворт, я поняла, что сбыть его будет нелегко. Он был весьма сварлив, а большинство женщин в аудитории уже болтали со своими кавалерами, которых знали, скорее всего, уже больше десяти лет. Но такова была традиция, а этот город просто с ума сходил по традициям.

Я подняла руку, чтобы сделать ставку, хотя у меня и не было фальшивых купюр, чтобы расплатиться. Никто, впрочем, не стал спорить со мной по этому поводу. Кэролайн проводила меня сиятельной улыбкой, когда я вышла вперед, чтобы забрать своего кавалера. «Счастливые покупатели – будущее бизнеса», – неустанно повторяла она. Заметив краем глаза, как мне из дальнего угла буфета усмехается Кайл, я поспешила отвести взгляд.

– Мистер Фарнсворт, – произнесла я, взяв его под руку и отведя к дальнему столику. – Как проходит ваш вечер?

– Если не считать какой-то рыбной пасты на крекерах и отсутствия картофельного пюре?

– Разумеется, не считая этого.

– Бывало и получше.

– Но не бывало такого, чтобы на мероприятие приезжал Джетт Харт, – сказала я. В этой комнате любой человек старше тридцати лет был в курсе, кто такой Джетт Харт. А мистеру Фарнсворту было далеко за тридцать.

– Джетт Харт? Тот старик, что болтал с нами о салате?

Кивая, я не сдержалась и рассмеялась.

– Что ж, тогда понятно. Он не очень хорошо сохранился.

Я не могла с этим согласиться. Вид у Джетта Харта был мрачноватый и неприветливый, но густая копна волос и классические черты лица все еще служили отличным объяснением тому, почему однажды ему удалось стать телезвездой.

– Впрочем, он мне нравится, – задумчиво добавил мистер Фарнсворт. – Неплохое шоу у него было. Он никому не давал спуска.

Вот как. Может быть, имя Джетта и впрямь могло помочь бизнесу мистера Уильямса.

– Ваша семья навестила вас сегодня? – спросила я мистера Фарнсворта, когда мы заняли свои места.

– Моя семья не навещает меня и в обычные дни, – пробурчал он. – Думаете, они полетят в Роксайд на День святого Валентина?

– Сочувствую.

– Я не просил вас о сочувствии.

– Вы правы, тут я сама справилась.

– Ну и где мой обещанный десерт? – спросил мистер Фарнсворт, оглядываясь по сторонам.

Как по волшебству, рядом с ним возник Эндрю, держа в руках креманки с самыми крошечными десертами из всех, что я когда-либо видела. Что-то вроде пудинга или мусса с щедрой порцией взбитых сливок. Сверху покоилась вишенка.

– Это еще что за ерунда? – осведомился мистер Фарнсворт, озвучив мои собственные мысли. Мистер Уильямс обычно подавал на десерт по огромному куску ягодного пирога.

– Ничего лучше вы в жизни не пробовали, – сказал Эндрю.

– Серьезное обещание, – заметила я.

– Просто так я ими не разбрасываюсь. – Он поставил перед нами креманки.

– Ничего меньше я в жизни не пробовала, – ляпнула я.

Мне нужно было остановиться. Это был сын Джетта Харта. И потом, я обещала Мике, что стану вести себя доброжелательнее. Нужно было последовать ее совету.

Мистеру Фарнсворту мои комментарии, впрочем, пришлись по душе: он издал тихий смешок. Подняв ложку, он попробовал мусс – и, подумав, пробурчал, что десерт не так уж плох, как кажется на первый взгляд. Из его уст такие слова звучали, как самый настоящий комплимент.

Мне расхотелось пробовать десерт самой: тогда мне бы тоже пришлось сделать комплимент Эндрю. Хотя нет, все было не так. Десерт приготовил не Эндрю, а его отец. Я отправила ложку в рот. Шоколад был воздушным, мягким и сладким ровно настолько, насколько нужно, – этот вкус идеально контрастировал с терпкостью малины.

Я кивнула.

– Не уверена, что никогда не пробовала ничего лучше, однако это был отличный выбор, под стать теме сегодняшнего вечера… как ты там ее назвал? – Я бросила быстрый взгляд на Эндрю. – Ах да, безвкусицей.

Он приподнял бровь.

– А я-то думал, что ты будешь вести себя приличнее и захочешь извиниться за то, что наговорила о моем отце.

– Прямо как ты извинился за то, что наговорил о моих декорациях?

– Я сказал правду.

– Аналогично. – Я прикусила язык. Это явно было лишнее. По поводу букетов Эндрю был абсолютно прав: они и правда получились безвкусные. Что со мной не так?

Я открыла рот, собираясь извиниться, но он перебил меня:

– Судя по твоему прикиду, прическе и акценту, ты пытаешься выдать себя за какую-то шикарную городскую девчонку. Поверь, получается плохо.

У меня чуть ноги не подкосились от гнева и стыда. Как ему удалось с первого взгляда определить мое больное место? Неужели, когда я приеду в Нью-Йорк, все сразу раскусят меня, увидят во мне неловкую провинциалку? Я почувствовала, как вспыхнули щеки.

– Ты просто бесишься, потому что со мной не сработал твой жалкий подкат, – сказала я, вставая из-за стола. – Не думала, что отказала тебе первой, но твое неумение принимать поражение с достоинством заставляет задуматься.

Эндрю отпрянул.

– С достоинством? И, видимо, твое поведение – его эталон?

– Молодой человек, – вдруг вмешался мистер Фарнсворт, чем немало меня удивил, – перед вами лицо женщины, которая хочет, чтобы вы оставили ее в покое. Изучите его повнимательнее, потому что, подозреваю, вы видите это выражение часто, но далеко не всегда понимаете, что оно означает.

Не знаю, как уж там выглядело мое лицо раньше, но сейчас я еле сдерживала хохот.

Эндрю собрал в кулак остатки здравого смысла и повернулся к мистеру Фарнсворту с очаровательной улыбкой.

– Вы правы, я часто видел его сегодня. – Он слегка поклонился. – Благодарю за житейскую мудрость. – С этими словами он поспешил удалиться.

– Спасибо, – сказала я своему кавалеру, медленно опускаясь обратно на стул.

Мистер Фарнсворт похлопал меня по руке.

– Я всегда готов вступиться за даму, но вы и сами неплохо справлялись. Не думаю, что вам была нужна моя помощь. Просто будьте осторожнее, мисс Эванс. Этот кадр, похоже, кусается.

Я проклинала себя за несдержанность. Разговор с этим Эндрю выявил мои худшие качества… в очередной раз. Мы были знакомы не больше трех часов, и я уже трижды потеряла самообладание. Мой путь к сердцу Джетта Харта теперь уж точно не лежал через дружбу с его сыном. Я встряхнулась и сделала глубокий вдох. Я была профессионалом своего дела. На работе. Несмотря на комментарии Эндрю, я хорошо выполняла ее – и собиралась это доказать.

– Софи! – раздался вдруг громкий вопль – все гости, наверное, его услышали.

Я оглянулась. В дверях комнаты стоял, сжимая руль своего велосипеда, мой младший брат. О нет. Подскочив с места, я рванула к нему через весь буфет, стараясь не встречаться ни с кем взглядом. Кайл наверняка все видел. И такое поведение отнюдь не помогало моему брату загладить свою вину.

– Ганнар, – прошипела я, хватая велосипед за руль и разворачивая его к выходу, – что ты тут делаешь? – Я протиснулась наружу, толкнув тяжелую стеклянную дверь, и прислонила велосипед к наружной стене.

– Мама сказала, что сегодня ей придется работать в двойную смену, а Тэрин тоже была занята, поэтому она сказала мне идти сюда.

– Тэрин сказала тебе идти сюда? – Тэрин была нашей соседкой и иногда присматривала за моим братом.

– Нет, мама мне сказала.

– Мама тебе сказала? – Еще хуже. Я была на работе, но мою работу мама всегда считала каким-то веселым и бесполезным хобби, а не серьезным занятием.

– Она сказала, что я могу посидеть с мистером Фенеллом или мисс Пинкстон.

Ну разумеется.

– Ладно, заходи, может, порисуешь в вестибюле, я не знаю. – Я открыла дверь.

– Можно поиграть на твоем телефоне?

– Когда вернемся домой. Он мне сейчас нужен.

Он обиженно выпятил нижнюю губу.

– Знаю, знаю, ужасная несправедливость, – сказала я.

Пытаясь напомнить себе, что его вины тут не было, я положила руку ему на плечо. Он рос так быстро. Ему было всего десять, но я была уверена, что годам к четырнадцати он уже вымахает так, что мне с моим ростом метр шестьдесят пять останется только задирать голову, чтобы поговорить с ним.

Женщина на рецепции улыбнулась нам, когда мы вошли.

– Джун, ничего, если мой брат посидит здесь, пока мероприятие не закончится? – спросила я с надеждой в голосе.

Она хотела ответить «нет», я видела по ее лицу, но гостеприимство типичной южанки не позволяло.

– Конечно, Софи.

Я повернулась к брату.

– Ганнар, веди себя прилично, – сказала я очень серьезно.

– Я поставлю ему мультик, – сказала Джун, включая древний телевизор в углу.

– Спасибо огромное! Я буду периодически заглядывать. Если что-то будет не так, пожалуйста, позовите меня.

– Позову.

Я чувствовала себя ужасно глупо. Джун не обязана была смотреть за моим братом: это была вовсе не ее ответственность.

По дороге обратно в буфет, я вытащила мобильник, чтобы написать маме, но прежде, чем я успела это сделать, телефон завибрировал, оповещая об смс. Это была Кэролайн.

Подарки готовы?

Почти, – ответила я, бегом отправляясь на кухню. Кэролайн, должно быть, думала, что сборка сотни подарочных пакетов – минутное дело, но это было далеко не так. Мне оставались бантики: ленты нужно было нарезать, завязать и закрутить. Ей следовало поручить мне это еще неделю назад.

Должно быть, моя паника была очень хорошо заметна со стороны, потому что, увидев меня, Мика перестала заниматься грязной посудой и заявила:

– Я тебе помогу.

– Ты уверена? – спросила я, зная, как для нее важен методический процесс уборки.

– Да. И скажи Кэролайн, что пора бы ей уже понять, как работает штука под названием «время». Она делает такие вещи постоянно.

Мы достали коробки из дальнего угла кухни.

– Не стоило мне тратить время на десерт со своим кавалером.

Глаза Мики расширились.

– С Кайлом?

Я покачала головой, смутившись.

– Нет! С мистером Фарнсвортом.

– Мистер Фарнсворт был твоим кавалером? – нахмурилась Мика.

– Долгая история.

Расхохотавшись, она дружески пихнула меня в плечо.

– Пошли, отнесем коробки в вестибюль.

– Отличная идея. Мой брат нам поможет.

– Твой брат здесь?

– Еще одна долгая история, – вздохнула я.

– Понимаю, – ответила Мика. – Твоя мама. Которая тоже не понимает, как работает время других людей.

Моя мама много чего не понимала в этой жизни. Ее в принципе интересовало только то, что напрямую касалось ее самой.

Глава 6

Мы с Микой закончили собирать подарки, как раз когда счастливые гости начали расходиться по комнатам. Многие из них забрали с собой и букеты тюльпанов со столов, громко нахваливая симпатичную обертку.

Друзья и родственники, приехавшие навестить постояльцев дома престарелых, постепенно разъехались – и Кайл в том числе. Он помахал мне на прощание, но так ничего и не сказал. Вряд ли еще оставались шансы пойти на второе свидание.

Как бы то ни было, у меня было достаточно работы, чтобы отвлечься. Включив в буфете музыку повеселее, я начала пританцовывать. Мика собирала со столов чашки.

Кэролайн была занята: она общалась с директором приюта – получала остатки зарплаты и, должно быть, уже рекламировала организацию мероприятия на следующий год.

Ганнар скакал вокруг меня, пока я загружала в коробку последние цветочные вазы.

– Когда мы уже пойдем домой? – спросил он. – И как мы довезем мой велосипед? Он разве влезет в твой багажник?

– Я поведу цветочный фургон.

– О, здорово! В фургон он влезет. Мне нравится фургон, в нем весело. Я сегодня не обедал. Мы купим что-нибудь по дороге домой?

– Конечно. Мне осталось только собрать все скатерти и погрузить их в фургон. Тогда мы будем свободны, – сказала я.

– Я могу помочь? – спросил он.

– У двери должна стоять коробка с черными мусорными мешками, – кивнула я. – Можешь подать мне один?

– Сейчас! – Он побежал к коробке и выхватил оттуда три мешка сразу, потом, наконец, смог вытащить один и принести его.

– Спасибо.

– Можно я буду класть скатерти в мешок?

– Конечно, ты очень поможешь. Но бери только те, на которых не осталось посуды.

Он кивнул.

– Софи! – заорала вдруг Мика. – Наша песня!

Я прислушалась – так она говорила много о чем, и никакой «нашей песни» у нас на самом деле не было.

– Наша любимая, – ответила я чуть погодя.

Лэнс, ее коллега, спел неправильные слова, и Мика рассмеялась. Когда я проходила мимо нее, чтобы подобрать упавший тюльпан, она прошептала:

– Ну и куда делся Кайл? Он что, уже уехал?

– Ага.

– Полагаю, ты и сама не стала с ним прощаться, – сказала она, как будто прочитав мои мысли (судя по всему, так оно и было).

Я сморщила нос, и подруга усмехнулась.

Мой брат сложил скатерти в огромный черный мешок и, с трудом таща его на себе, начал двигаться к следующему столу.

– Ганнар, этот мешок уже полный, возьми другой. – Я хотела подать ему новый мешок, но не успела отвернуться, как Ганнар споткнулся и полетел на пол вместе с полным мешком скатертей.

– Прости, Софи! – пискнул он.

– Ничего страшного. Ты не ушибся?

– Нет. Но скатерти рассыпались.

– Ну, они же не стеклянные, – успокоила его я. – Давай просто соберем их и все.

Снова наполнив мешок, я понесла его к фургону. В дверях я столкнулась с Кэролайн.

– Софи, это твой брат? – спросила она, кивая в сторону Ганнара, который остался болтать с Микой и Лэнсом.

– Да.

– Он был здесь весь вечер?

– Нет, он подошел к концу мероприятия. Произошла небольшая неувязка: моя мама запуталась, кто будет следить за ребенком. – Под неувязкой я подразумевала ее полное нежелание планировать уход за ребенком в принципе.

– Ему нельзя помогать тебе с работой. Если с ним что-то случится…

– Вы правы. Прошу прощения. – Я оглянулась посмотреть, что делает Ганнар.

– И, Софи, больше не бери его с собой на работу, – добавила Кэролайн.

Внутри у меня все сжалось.

– Хорошо. Такого больше не повторится. – Хотелось бы верить, но зависело это не от меня.

– Спасибо. Ты отлично поработала сегодня. Увидимся в магазине. – Она улыбнулась и направилась к своей машине.

Кэролайн никогда не убиралась после мероприятий: для этого у нее была я. Подхватив переполненный мешок, я потащилась к фургону, проклиная про себя цветочный магазин. А в «Швейной мастерской Минни» я бы так поднаторела в дизайнерской профессии…

Проходя мимо вестибюля, я услышала, как Джун с кем-то разговаривает. Я остановилась, прижимая мешок к бедру, чтобы было легче его держать.

– Джун, спасибо еще раз, что присмотрели за моим братом.

Только сейчас я рассмотрела, с кем Джун разговаривала. Это был Эндрю. Он сидел на стуле с ноутбуком на коленях, и Джун заглядывала ему через плечо, рассматривая что-то на экране. Она подняла на меня глаза.

– Без проблем, милая. Передашь маме привет от меня, хорошо?

– Передам. – Я помедлила, ожидая, что Эндрю вот-вот вставит свои пять копеек, но никаких едкостей с его стороны не последовало. – Окей, что ж… Я тогда… – Я кивнула на свой мешок.

Джун потрясла Эндрю за плечо.

– Иди помоги девушке с мешком.

– О нет, все нормально, – поспешила заверить я. – Я справлюсь.

– Она справится, – буркнул Эндрю.

Джун шлепнула его по плечу, и он неохотно поднялся с места, откладывая ноутбук. Я отвернулась и зашагала в сторону фургона, по-прежнему таща на себе мешок.

– Все нормально, – повторила я, когда он догнал меня и потянулся за мешком. – Я почти дошла.

– Я уже здесь. Дай сюда мешок.

– Ого. Таким словам просто невозможно не подчиниться. – Я шла дальше.

– Мне открыть тебе дверь, или с этим ты тоже справишься?

Я развернулась к двери спиной и толкнула ее задницей.

– Не знаю даже, как я жила-то до твоего приезда.

– Ладно, – он поднял руки, капитулируя, – ты всем все доказала. Ты куда проворнее, чем кажешься.

Я притворно улыбнулась ему.

– Дождаться не могу, когда этот год закончится.

– Ничего себе, даже мысли читаешь, – парировал он и, наконец, отстал.

Открывая фургон и затаскивая туда мешок, я все еще продолжала ворчать.

За спиной у меня вдруг раздался лязг велосипедной цепи. Я обернулась и увидела, как Кайл, оседлавший велосипед Ганнара, наматывает на нем небольшие круги. Крутя педали, он задирал колени к локтям.

– Привет, – удивленно сказала я. – Я думала, ты уехал.

– Не уехал, как видишь.

– Этот велик тебе в самый раз.

– Я тоже так подумал. – Шумно затормозив, он остановился рядом и опустил ноги на землю. – Почти так же хорош, как мой собственный агрегат.

– Твой агрегат? – Я постучала пальцем по губам, изображая задумчивость.

– Мой Мустанг. – Он кивнул головой в сторону автомобиля, припаркованного метрах в тридцати от фургона в дальнем углу парковки – наверное, чтобы другие машины ненароком его не поцарапали.

Я склонила голову набок, не понимая, шутит он или отвечает всерьез.

– Я пошутила. Я в курсе, какая у тебя машина… Помнишь?

– Ах, ну да. – Он встал и погрузил велосипед в фургон.

– Спасибо, – сказала я.

– Не за что. Увидимся в школе.

– Ага, до встречи.

Сердце у меня колотилось. Сейчас было самое время, чтобы позвать его на второе свидание, доказать Мике, что я относилась к этому серьезно. Но Кайл пошел к своей машине, а я просто проводила его взглядом. Необязательно было спрашивать сейчас. У нас еще была куча времени.

Когда я вернулась внутрь, голоса в вестибюле стали еще громче. Я хотела пройти мимо, но не смогла. Мика, Лэнс и Ганнар теперь присоединились к Джун и тоже собрались вокруг Эндрю, заглядывая в экран ноутбука. Что там такого интересного было? Гордость не позволяла мне спросить напрямую. Но Мика все равно меня увидела.

– Соф, иди посмотри. Эндрю уже сделал сайт для моего папы.

Я подошла, чтобы бросить на экран мимолетный взгляд, но остановилась как вкопанная, когда увидела веб-сайт. Фоновой картинкой была фотография каких-то разноцветных яств на красивых тарелках; заголовок с названием предприятия, написанный большими жирными буквами, украшал шапку. Под шапкой также виднелось несколько вкладок. Эндрю кликнул на «Мероприятия». Фотографии сегодняшнего ужина, посвященного Дню святого Валентина, уже были загружены. Очень хорошие фотографии.

– Какие крутые, – протянул Ганнар.

Они и правда были крутые. В основном это были фотографии сегодняшних блюд, но среди них попадались лица гостей: старые, сморщенные от счастливых улыбок, и молодые, сияющие от смеха. На одной фотографии даже получился тюльпан. Это была макросъемка: в кадр попали только розовые кончики лепестков. Мне ужасно понравилось.

– Кто делал снимки? – спросила я максимально непринужденно. Фотографа я не видела.

– Я, – ответил Эндрю.

– Как? – Как мог такой бестактный и невнимательный человек, как Эндрю, сделать такие живые, яркие кадры?

– На телефон, – сказал он. – На нем есть такая штука, называется «камера».

– Просто…

– Просто они очень хорошего качества, – закончила за меня Мика. – На моем телефоне такие фотографии не получаются.

– Может, дело в операторе, – сказал Эндрю, глядя на Мику с усмешкой.

– Не сомневаюсь, что так и есть, – ответила она, улыбаясь.

Я закатила глаза.

– Я вас умоляю.

– Покажи еще какие-нибудь фотографии, – попросил Лэнс.

И тут началось Шоу имени Эндрю. Одно за другим – бесчисленное множество мест, в которых он побывал за последние несколько лет. В основном большие города: Нью-Йорк, Сан-Франциско, Лондон. Но были и города поменьше, красивые холмы и одинокие домики.

– Много же ты путешествуешь, – пробормотала Мика.

Сама она терпеть не могла путешествовать. Представляя себе всевозможные варианты развития событий в поездке, она страшно волновалась. Дай ей волю, она бы вечно торчала в Роксайде, работая на своего отца.

– Мой папа любит путешествовать, – ответил Эндрю. – И обычно берет меня с собой.

– А твоя мама? – спросил Ганнар.

– Мамы нет, – просто сказал Эндрю. – Она ушла, когда карьера отца заглохла.

– Ох, – невольно вырвалось у меня. Эндрю озадаченно изогнул брови.

– Что? – спросил он. Я покачала головой.

– Ничего, – прохладно бросила я.

Эндрю вовсе необязательно было знать всех деталей моей жизни. Мой отец тоже ушел из семьи, хоть причины его поступка, конечно, были далеко не настолько ничтожны.

Эндрю продолжил листать фотографии на экране. На одной из них прекрасно получился самолет, прорывающийся сквозь облака.

– Ого, – ахнул Ганнар. – Однажды мы были в Бирмингеме на воздушном шоу, и там я видел самолет, – добавил он восторженным тоном типичного провинциального ребенка.

– Погоди, ты никогда не летал на самолете? – спросил Эндрю. Он встретился со мной взглядом; глаза у него так и светились издевкой.

– Я летала, – сказала Мика, переобуваясь. – Год назад мы летали в Вегас на кулинарное шоу. Самолеты – это сущий кошмар.

Лэнс слегка пихнул ее в бок.

– Да ладно, было не так уж и ужасно.

Внутри меня что-то неприятно сжалось.

– Пойдем, Ганнар, – позвала я. – Время уже позднее.

– Ребята, – обратился Лэнс к Мике и Эндрю, – вы готовы покончить с погрузкой еды в наш фургон?

– Да, – ответил Эндрю. Он захлопнул ноутбук, подхватил его под мышку и удалился, даже не оглянувшись.

Забрав оставшиеся вещи из буфета, мы с Ганнаром отправились на парковку. Краем глаза я наблюдала за тем, как Мика, Лэнс и Эндрю тащат гигантские лотки с посудой в открытый фургон мистера Уильямса.

– Прости. Из-за меня у тебя не получится потусить с друзьями, – пробормотал Ганнар.

– Ты тут ни при чем, приятель. Просто им тоже нужно по домам.

В своем крошечном городе я всегда чувствовала себя странно. Как будто я была здесь чужой, лишней. Я думала, дело в том, что мое место не здесь, а где-то еще – там, где кипит творческая энергия и постоянно происходит что-то интересное. Я убедила себя в том, что, когда уеду учиться в колледж, наконец найду свое место в этом мире, найду своих людей. Но глядя на фотографии Эндрю, разговаривая с ним, чувствуя эту самоуверенность человека, повидавшего мир, я поняла, что, возможно, все эти годы просто обманывала себя.

Глава 7

День матери

Бранч в городском парке

ПОДСОЛНУХ

Растущие подсолнухи поворачиваются к солнцу, следуя за его движением на протяжении всего дня. Если представить, что мать – это солнце, а ее дитя –

цветок… Что ж, эта аналогия говорит сама за себя. Мамы – это ужасно важно.

Я прислонилась к цветочному фургону, держа в руках альбом и яростно орудуя карандашом. Пыталась набросать юбку. Чтобы составить хорошее дизайнерское портфолио, мне нужно было собрать разнообразные примеры работ, но пока мне казалось, что только один или два рисунка выглядят действительно достойно.

Со вздохом я внимательно рассмотрела плоды своих трудов. Получилось скверно. Зарычала и заштриховала весь лист – теперь этот набросок уже точно нельзя будет исправить. За последние пару месяцев я не смогла нарисовать ни одного стоящего эскиза. Создавалось впечатление, что все мое вдохновение улетучилось где-то между Президентским днем и Пасхой. Захлопнув альбом, я бросила его в рюкзак – ровно в тот момент, когда Кэролайн вернулась к фургону, чтобы забрать еще несколько букетов.

– Твоя мама сегодня придет? – спросила она, поднимая две большие лейки с подсолнухами. – Возьми перерыв, чтобы посидеть с ней. Думаю, я смогу отпустить тебя на часок.

Я тоже подхватила два букета.

– Сегодня она работает в закусочной в утреннюю смену, так что немного опоздает, но придет.

– О, это хорошо.

Пройдя по парку, я отнесла букеты к столам, расставленным между двумя огромными дубами. Поставив цветы, я отошла на шаг назад, чтобы рассмотреть их получше. Мне не очень-то нравились жестяные лейки. Если бы оформить букеты дали мне, то, помимо больших желтых цветов, я бы добавила в букеты маленькие белые маргаритки и белые розы и поставила бы их в расписные керамические вазы или, на худой конец, прозрачные. В воду я бы для красоты нарезала свежие лимоны. Но Кэролайн сказала, что лейки непременно понравятся мисс Джуэл Джексон, которая организовывала бранч в честь Дня матери каждый год.

Подняв взгляд, я заметила Мику: она стояла возле длинного стола и разжигала топливную канистру под жаровней. Мне стало интересно, каким будет сегодняшнее меню. В прошлом году на День матери подавали маффины, французские тосты с яблоками и корицей, сладкий чай и целые кучи бекона. Но теперь готовкой заправлял Джетт Харт, и у меня было предчувствие, что сегодня никакого бекона нам не видать.

– Привет, подруга! – крикнула я, направляясь по газону ей навстречу.

Мика крутанула зажигалку вокруг пальца и щелкнула колесиком.

– Смотрю, тебе получше, – сказала я.

В пятницу она слегла с расстройством желудка и не пошла в школу. Я радовалась, что не подхватила инфекцию вместе с ней: за день до этого мы пили из одной кружки во время ланча.

– Потому что я снова могу крутить зажигалкой? – спросила она.

– Это навело меня на мысль, да.

Она улыбнулась.

– Мне намного лучше. Спасибо, что вчера принесла мне конспект по истории.

– Никаких проблем. Твой отец испек печенье, как-никак. Мне нужен был повод заглянуть в гости.

– А я-то думала, что ты беспокоилась о моем самочувствии.

– Ага. И это тоже. – Я провела рукой по волосам: они уже сильно отрасли.

Мика склонила голову набок:

– Что это у тебя на руке?

– Где? – Я повернула ладонь и увидела на коже следы карандаша, размазавшегося, пока я рисовала. Я попыталась стереть их. – Это ничего. Ерунда.

– Кэролайн, – раздался за моей спиной чей-то голос, – сегодня декорации даже лучше, чем в прошлый раз.

Я обернулась. Эндрю направлялся к столу, в руках у него было большое блюдо. Прошло уже несколько месяцев со Дня святого Валентина, и с тех пор я ни разу не видела ни Эндрю, ни его отца – а потому успела убедить себя в том, что в тот раз отреагировала слишком остро. Что, вероятно, Эндрю был далеко не так плох, как мне показалось.

– Спасибо, – ответила Кэролайн, суетясь возле очередного букета.

– Что? – спросил Эндрю, заметив мой пристальный взгляд. – Нельзя уже и комплимент сделать? Симпатичная юбка, кстати.

Я была в черной юбке с узором из маленьких апельсинов и оранжевом кардигане с коротким рукавом, который смотрелся как рубашка из-за пришитой к низу кружевной ленты и застегнутых пуговиц.

– Это мой папа посоветовал тебе надеть что-нибудь, подходящее к одному из блюд? – продолжил Эндрю.

Нет, я отреагировала ровно так, как следовало.

– Разве станет твой отец снисходить до разговора с простыми смертными? Я думала, на них он только рычит, – парировала я.

Вернувшись домой после празднования Дня святого Валентина, я погуглила имя Джетта Харта. Мика была права: у него были связи. В поиске нашлось множество фотографий Джетта со знаменитостями: от кинозвезд до известных моделей. Но потом я пересмотрела несколько эпизодов «Готовим с душой» на Нетфликсе и вспомнила, насколько этот человек мог быть несносным и грубым. Так что я даже не пыталась надеяться, что он использует свои связи по моей просьбе.

Эндрю проигнорировал мою колкость, но заметно стиснул зубы. Значит, его это все-таки беспокоило.

Мика помахала зажигалкой, как флагом.

– Серьезно? Вы снова собираетесь раздражать всех вокруг? Давайте жить дружно, а?

За последние несколько месяцев Мика, в отличие от меня, уже трижды виделась с Эндрю на частных вечеринках. Вечеринках, организаторы которых не стали заказывать цветы. Это она говорила мне, что Эндрю куда приятнее в общении, чем мне показалось при первой встрече. И она была не права.

– Я занята, – пожала я плечами. – Буду держать свои мысли при себе.

– Обещаешь? – попросил Эндрю. Мика пихнула его в бок. – Что?

Я промолчала и, развернувшись, направилась к фургону, чтобы забрать оттуда последнюю пару букетов. Ты сможешь держать себя в руках, говорила я себе. Ты профессионал своего дела.

Я ставила на столы последние лейки с подсолнухами, когда ко мне подошла Кэролайн с листком желтой бумаги.

– Это игра! – радостно пояснила она. Голос у нее так и звенел от предвкушения.

Точно. Я и забыла, что на бранчах в честь Дня матери всегда проводились какие-нибудь игры. Заголовок в верхнем углу страницы гласил: Мамы и дочки, насколько крепки ваши семейные узы? Дальше следовал длинный перечень вопросов: от любимой еды и любимых фильмов до привычек и вечерних ритуалов.

– С одной стороны отвечаешь за себя, с другой – за маму или дочь, – объясняла Кэролайн, – а потом сопоставляешь ответы. Те, у кого будет больше всего совпадений, выиграют наш ежегодный приз!

– Подарочный сертификат в «Барбекю Хэнка»?

– Разумеется.

Да уж, поход на барбекю – что может быть связано с материнством больше? Но судить слишком строго я не могла. Сама, наверное, выбрала бы подарочный сертификат в спа, но в нашем городке никакого спа не было. Ближайшим из всего, что приходило в голову, был ногтевой салон, но и тот находился только в получасе езды.

– Весело, правда? – спросила Кэролайн.

– Да, думаю, будет весело. – Я отдала ей опросник.

Напоследок она прошлась между столами, рассматривая плоды наших трудов.

– У нас ведь в фургоне еще остались цветы, верно?

– Да, – ответила я.

– Хорошо, потому что стол с едой тоже неплохо было бы как-то оформить. Сможешь отрезать стебли у дюжины подсолнухов и разложить цветки между жаровнями?

Я кивнула.

Подсолнухи стояли в большом ведре в заднем углу фургона. Я достала один и развернула его цветком вниз, чтобы отрезать стебель, затем отложила в сторону и достала следующий цветок. Слегка встряхнув его и разгладив лепестки, я покрутила стебель в руках. Лепестки затрепетали и вытянулись, как крошечная цветочная балерина. Перед глазами пронеслась картинка: по сцене, усыпанной лепестками, порхает дюжина балерин в ярко-желтых воздушных пачках и пуантах, от которых вверх по ногам вьются яркие ленты. Я тряхнула головой: слишком легко отвлекаюсь.

Закончив свою миссию по обезглавливанию подсолнухов, я понесла пятнадцать цветков к столу с едой. Мика с Эндрю хохотали над какой-то шуткой.

– Да ты врешь, – говорила Мика.

– Не вру, – отвечал Эндрю.

– Докажи.

– Что, думаешь, я это фотографировал?

– Ты все фотографируешь.

– Ты что, издеваешься над моими навыками фотографа?

– Нет, навыки у тебя что надо. Я издеваюсь над количеством твоих фотографий.

– Это для дела, – запротестовал Эндрю.

– Как скажешь, – ответила Мика. – Соф, – обратилась она ко мне. Я успела выложить на стол три цветка и раздумывала, нормально или глупо они смотрятся.

– Что?

– Голосуй.

– За что? – Неужели она думала, что я что-то поняла из их разговора?

– Эндрю сказал, что засунул язык в одну из зажженных топливных канистр.

– Да, – ответила я.

– Что – да? Ты думаешь, он правда это сделал? Там же миллион градусов. Огонь синий!

– Да, – повторила я.

– Видишь, она мне верит, – сказал Эндрю.

– Да, я верю, что ты достаточно глуп, чтобы это сделать.

Мика расхохоталась, но потом надула губы.

– Соф. Это было жестко. – И она снова рассмеялась.

– Благодарю, – сказал ей Эндрю и повернулся ко мне. – Это так-то ты держишь свои мысли при себе?

– Поверь, я пытаюсь.

– Ну как, твоей маме понравился твой подарок? – спросила подруга, чтобы поскорее сменить тему. Ей отлично удавалось избегать конфликтов.

На прошлой неделе мы с Микой отправились за покупками и решили, что будет здорово подобрать нашим мамам в подарок платья – чтобы сегодня они обе смогли их надеть. Моя мама нечасто носила платья, поэтому я выбрала для нее не очень модную, но удобную обновку – в ее стиле.

– Она его еще не открывала, – ответила я. – Но я оставила сверток на ее кровати с запиской: мол, открой перед праздником в парке.

– Здорово! Уверена, ей очень понравится.

– Надеюсь. – Не знаю почему, но я очень волновалась. – А твоя мама?

Мика ухмыльнулась.

– Она ужасно обрадовалась. Когда я вручила ей платье, она чуть не разревелась, но потом сделала вид, будто чем-то поперхнулась.

Я улыбнулась. Миссис Уильямс была очень милой.

– Классная подвеска, кстати, – сказала Мика, наклоняясь через стол, чтобы рассмотреть мой новый кулон.

– Спасибо. Это из «Всякой всячины».

– Что за «Всякая всячина»? – спросил Эндрю.

– Ты еще не был во «Всякой всячине»? – ахнула Мика.

– Нет.

Мика подняла глаза к небу и задумалась, как простыми словами объяснить необъяснимое.

– Это магазин рядом с работой Софи, там продается…

– Всякое барахло, – закончила я. – Чужое барахло.

– Нет, не просто чужое барахло! Еще там можно купить галлон молока. Или новую лопату.

– То есть… всякую всячину? – спросил Эндрю.

– Именно! – воскликнула Мика.

– Я обожала копаться во «Всякой всячине». Там я находила большую часть своих украшений и почти все материалы, которые использовала для дизайна одежды. Так как городок у нас был небольшой, вещи во «Всякой всячине» мало кто покупал. Люди вываливали туда содержимое своих чердаков, и там их чердаки и оставались.

– Мам! – заорала вдруг Мика.

Сорвавшись с места, она побежала мимо столов по газону, чтобы броситься на шею матери. Миссис Уильямс была низенькой, полноватой женщиной – Мика переросла ее еще в седьмом классе. У нее была темная кожа медного оттенка, а

черные волосы длиной всего в дюйм подчеркивали точеные скулы и карие глаза. На ней было новое платье, подаренное Микой, – зеленое, длиной по колено. Она выглядела замечательно.

Я отвернулась и снова занялась оформлением стола. Раскладывая подсолнухи, я чувствовала на себе взгляд Эндрю и изо всех сил его игнорировала. Отросшие волосы лезли в лицо, но я заставляла себя не трогать их.

– Что? – наконец, не выдержала я.

– Твой брат сегодня придет?

– На бранч, посвященный Дню матери?

– Почему нет?

– Этот праздник не для сыновей. Участвуют только матери и дочери.

– О. Не знал, что у вас тут так.

– Это традиция. Так принято. И еще больше о местных традициях ты узнаешь, когда увидишь, как пять десятков женщин ведут себя, если их отказываются кормить беконом.

Он поднял крышку на одной из жаровень.

– Я, конечно, не местный, но разве в Роксайде беконом называют что-то другое?

Я опустила глаза. Тарелка буквально ломилась от свежего бекона.

– Как замечательно, твой отец все-таки учится на своих ошибках.

– Уверен, готовить бекон на бранч – не уникальное местное изобретение.

Я положила на стол последние цветки, собираясь спастись бегством как можно скорее.

– Знаешь, в чем твоя проблема, Софи?

Я напряглась и сердито воззрилась на него.

– Что мне тебе ответить, чтобы ты не продолжал?

– Твоя проблема в том, что ты держишь зуб на весь мир. Не знаю почему, но я пытаюсь это выяснить.

– Держу зуб? – рявкнула я. – Ты сам себя слышишь? Кто так говорит вообще? Я скажу тебе кто: самовлюбленные эгоисты, которые живут в воображаемом мире и даже отдаленно себе не представляют, с чем приходится иметь дело окружающим их людям. Если я и держу зуб, то только на тебя.

В следующий момент к столу с едой, держа в руках тарелку, подошел Джетт Харт, и от неожиданности я чуть не подпрыгнула на месте.

– Доброе утро, – весело поприветствовала я его. Наверное, слишком уж весело: раздражение до сих пор было буквально написано у меня на лбу.

Джетт поставил тарелку прямо на мои подсолнухи. Поняв, что что-то не так, он нахмурился и приподнял тарелку, чтобы разобраться, в чем дело.

– Сын, подвинь-ка это, – рявкнул он. Эндрю собрал подсолнухи, и Джетт удалился.

Я заскрипела зубами. Отлично, мое первое впечатление от Джетта Харта тоже было абсолютно правдивым. Вздохнув, я протянула руки, чтобы забрать у Эндрю раздавленные цветы. Он уронил их в мои ладони.

– Они довольно большие и очень… желтые.

На мгновение я смотрела на него в немом изумлении.

– Зуб, который я держу, становится острее с каждой секундой.

Он рассмеялся, чего я совсем не ожидала: обычно он отвечал мне остротой на остроту. Должно быть, на этот раз мой комментарий застал его врасплох. Закатив глаза, я поспешила собрать остатки цветов, чтобы поскорее сбежать оттуда.

Глава 8

Бранч был в самом разгаре. Джетт Харт и мистер Уильямс суетились вокруг тарелок с едой, как будто от одного их присутствия ее вкус мог измениться к лучшему. Никто, впрочем, не жаловался, так что, возможно, их метод работал. Мика и Лэнс помогали с напитками и отвечали на вопросы. Эндрю общался с гостями, параллельно делая фотографии.

И моя мама до сих пор не пришла.

Я стояла, не сводя глаз с парковки, потом в очередной раз проверила телефон. Экран был пуст: ни одного сообщения или звонка, ни одного «Извини, я очень сильно опаздываю». Я засунула мобильник обратно в карман юбки и снова уставилась на дорогу. Может быть, она застряла на работе. Не то чтобы там происходило что-то жизненно важное, но владелец закусочной иногда вел себя так, будто так оно и было. Может быть, то, что она не пришла, было даже к лучшему. Так я могла просто работать, ни о чем не волнуясь.

– Где твоя мама? – спросила Мика, проходя мимо с кувшином апельсинового сока.

Я безучастно пожала плечами, как будто и не заметила ее отсутствия.

– Она придет, – попыталась успокоить меня Мика.

– Кто придет? – спросил Эндрю, проходя мимо с телефоном в руке. Гр-р-р.

– Мама Софи.

– Кстати о мамах, – обратился Эндрю к Мике, – твоя все пытается заставить меня есть с ней за одним столом, потому что ты сама не можешь составить ей компанию.

– Не поддавайся ее чарам. Софи вообще не может ни в чем отказать моей маме.

– Это чистая правда, – подтвердила я. – Она имеет власть надо мной.

– Это потому, что она тебя любит, – сказала Мика.

– А я-то думал, что я особенный. – Эндрю драматично прижал ладонь к груди.

– Не-а, – бросила я.

– Тебя она тоже любит, Эндрю, не переживай, – помахала рукой подруга и, подхватив кувшин, ушла.

– Миссис Уильямс всех любит, – заверила я Эндрю.

– Знаешь, апельсиновый сок куда логичнее было бы разносить тебе.

– Ты уже один раз пошутил по поводу моей юбки. Придумай лучше что-нибудь новенькое.

Глаза у него весело загорелись. Неужели мне уже второй раз за день удалось его рассмешить? Эта перемена мне не нравилась. Обмен колкостями нравился мне куда больше. Стараясь не встречаться с ним взглядом, я снова принялась рассматривать парковку.

– Просто напиши ей, – сказал Эндрю.

– Что? – переспросила я. В следующий момент я вспомнила, что Эндрю знает, кого я жду. – Может, пойдешь дальше фотографировать?

Он поднял мобильник и сфотографировал меня, потом улыбнулся и удалился. Я хмуро проводила его взглядом.

Мне нужно было отвлечься, и работа была для этого идеальным способом. Я заметила Кэролайн под одним деревом: она что-то рассматривала на своем планшете.

– Мне начать игру? – спросила я. Она подняла на меня взгляд.

– Нет, пока еще рано. Глория и ее дочка снова собираются петь. Можешь сходить посмотреть, готовы они или нет?

– Да. Эм… Они принесли синтезатор или диск с музыкой?

Когда мы встречались перед мероприятием, чтобы обсудить организационные вопросы, я предложила оба варианта. Не то чтобы Глория и ее дочь были никудышными певицами… Впрочем, это было недалеко от истины. Они пели неплохо и вполне попадали в ноты. Но я знала, что фоновая музыка сделает их выступление куда приличнее.

– Думаю, они опять будут петь а капелла. Но гостям вроде бы нравится. Отзывы всегда такие хорошие. Они очень славные.

– Хорошо, я поговорю с ними. Если они готовы, пусть начинают сейчас?

– Да. Спасибо, Софи. И передай своей маме привет.

Моей маме? Я обернулась и увидела, как ее машина въезжает на парковку. Остановившись, мама вышла из автомобиля. На ней были узкие джинсы, черная футболка и туфли на высоком каблуке – не тот наряд, который она сегодня надела на работу, но и, очевидно, не подаренное мной платье. Ее длинные высветленные волосы были распущены и выпрямлены.

Сделав глубокий вдох, я развернулась и отправилась искать Глорию. Она сидела за столом и, увидев меня, помахала мне рукой.

– Привет, Софи, рада тебя видеть! – крикнула она. – Мне так нравятся цветы в этом году.

– Спасибо, – отозвалась я. Выбирала сами цветы и дизайн не я, но, наверное, можно было принять этот комплимент, раз уж я рассовывала их по лейкам. – Вы готовы выступать?

– Почти, – ответила она.

– Хорошо, когда будете готовы – просто начинайте. – Я указала пальцем на большое дерево, рядом с которым был установлен микрофон. Глория радостно закивала.

Я оглянулась: мама уже шла мне навстречу. Я поспешила к ней.

– Привет, солнышко, – сказала она. – Прости, что опоздала.

Я обняла ее.

– Ничего страшного. Я рада, что у тебя получилось прийти.

– Ты сегодня такая нарядная.

– Ага. – Я невольно опустила взгляд, потом снова подняла глаза на маму. – Ты получила мой подарок?

– Да, такое милое платье. Спасибо.

Я сглотнула.

– Я думала, ты наденешь его сегодня.

– О! Ну, ты же знаешь, я не очень-то люблю повседневные платья.

Она была права, и я это прекрасно знала. Теперь я не понимала, зачем вообще подарила ей платье. Нужно было купить пару симпатичных туфель… или подарочную карту. Карта была бы самым безопасным вариантом, и мой вкус в одежде не имел бы абсолютно никакого значения.

– Может, буду носить его дома, – добавила мама. Я кивнула, как будто мне было абсолютно все равно.

– Что ж, пойдем за стол, – сказала я. – Тут куча еды.

Она взяла меня под руку, и мы вместе зашагали по траве.

– А Джетт Харт здесь? – прошептала она.

– Да.

– Ты нас представишь? Всегда хотела встретиться с какой-нибудь знаменитостью.

– Я его совсем не знаю, мам. – Или, если точнее, он не знал меня. Для него я была просто безымянная девчонка, которая вечно попадается под ноги. – И он не особенно знаменит.

Она фыркнула, не соглашаясь со мной, потом добавила:

– Ты уже на двух мероприятиях с ним пересекаешься и даже не представилась? Почему ты такая замкнутая?

– Я не замкнутая.

– Замкнутая-замкнутая. Знаешь, если будешь больше практиковаться, тебе станет легче общаться с людьми.

– Я и сейчас нормально общаюсь с людьми. – По крайней мере, с теми, которые мне нравятся.

– Видимо, мне придется представиться самой. Это он? – И она указала на Джетта Харта, который все еще стоял над своей едой, как часовой.

– Мам, просто помаши ему. Он очень занят.

– Не похоже.

– Давай положим себе еду. Когда дойдем до конца очереди, скажем, как нам все понравилось.

Она меня не слушала. Когда я взяла тарелку, она направилась прямо к Джетту, вытянув перед собой ладонь.

– Тот самый Джетт Харт, – произнесла она. – Видеть вас в нашем маленьком городе – большая честь.

Он пожал протянутую ему руку и улыбнулся – впервые на моей памяти.

– Рад встрече.

– Я слышала, вы пытаетесь окультурить наше общество изысканной кухней?

Я поморщилась.

– Мам, я взяла тебе тарелку, – сказала я. Она не отреагировала.

– Я пытаюсь разнообразить ваш кулинарный опыт более смелыми вкусами, – ответил он, как будто внезапно оказавшись в какой-то рекламе кофе. Так вот откуда Эндрю поднабрался красноречия.

Кстати о разнообразии и смелых вкусах – на тарелке передо мной оказались, судя по всему, зеленые перцы, порезанные пополам и нафаршированные вареными яйцами. Окинув взглядом весь стол с угощениями в поисках какого-нибудь альтернативного блюда с яйцами, я заметила разноцветный киш и задумалась, из чего он может быть приготовлен.

– Смелость – это по мне, – услышала я мамин голос. По Джетту было видно, что разговаривать с ней дальше он уже не намерен: он скрестил руки на груди и смотрел куда-то поверх ее головы. Я думала было оттащить маму обратно к очереди за едой, но потом решила, что лучше привлекать к себе как можно меньше внимания.

Наконец Джетт выкрутился сам:

– Прошу прощения, мне нужно кое-что проверить.

Мама снова присоединилась ко мне и взяла тарелку.

– Он совсем не так плох, как ты рассказывала.

Я шикнула на нее. Она огляделась по сторонам.

– Кто не должен нас услышать? – Тут ее взгляд задержался на Эндрю. – О, кто это там?

– Ты о ком? – Я прекрасно знала, о ком идет речь, и понятия не имела, зачем вдруг начала притворяться.

– О том широкоплечем красавчике с шикарной шевелюрой, вот о ком.

– Мам, ему семнадцать.

– Дитя мое, я не планировала с ним встречаться. Я просто спросила, кто это, параллельно оценив его лучшие качества.

– Это сын Джетта.

Она вытаращилась на меня, склонив голову набок.

– У Джетта есть сын? Почему ты мне о нем не рассказала?

– Я разве не рассказала?

– Нет. И это значит одно из двух: либо он тебе нравится, либо ты его терпеть не можешь.

– Или я просто о нем не думаю.

– Не-а. Так какой вариант вернее?

– Ни один из них, мам. Можно мы, наконец, поедим?

На заднем плане внезапно раздалось пение Глории и ее дочери. Я молчаливо поблагодарила их за своевременное вмешательство.

Мама зашагала вдоль стола с угощениями, накладывая себе в тарелку каждого блюда понемножку.

– Тьфу ты, – проворчала она чуть погодя. – И почему Кэролайн до сих пор разрешает им петь на этих мероприятиях?

– Мам, тише. – Пели они неплохо. Тренировки сделали свое дело.

– Я и говорю тихо, – прошипела она. – Просто мне приходится терпеть Глорию еще со школы. Ей же медведь на ухо наступил. Ты в курсе, что она пела национальный гимн перед каждым футбольным матчем? И ты говоришь, это я люблю привлекать к себе внимание.

– Я так никогда не говорила, – пробормотала я.

– На-ка подержи, – сказала она вдруг, подавая мне свою тарелку.

– Зачем?

Песня закончилась, и моя мама вдруг направилась прямо к Глории. Когда я поняла, что она собирается сделать, мне пришлось лихорадочно искать, куда бы поставить тарелки.

– Всем добрый день, – сказала мама в микрофон. – Как настроение?

В ответ раздался только один возглас. Я рванулась к микрофонам, срезая путь между столами.

– Я бы хотела исполнить для вас песню «Jesus, Take The Wheel» замечательной Кэрри Андерв…

Я выхватила у нее микрофон.

– Она шутит. Забавная у меня мама, правда? Наслаждайтесь бранчем, дамы. Аплодисменты мистеру Уильямсу и Джетту Харту в благодарность за чудесное угощение?

Под звуки бурных оваций я выключила микрофон.

– Ой, не смотри на меня так, – сказала мама. – Получилось весело.

С этими словами она удалилась. Я так и осталась стоять с микрофоном в руке.

– Ничего страшного, – послышался голос Мики. Она подошла ближе и сжала мою руку. – Ты сгладила ситуацию.

– Ты так думаешь? – спросила я, чувствуя благодарность за ее утешительные слова – хоть и прекрасно понимала, что Мика врет.

– Все нормально. Хочешь, я его где-нибудь спрячу? – кивнула она в сторону микрофона.

– Да, прошу тебя. – Я протянула микрофон ей.

– И тебе, наверное, стоит спасти Эндрю.

– Что? – Резко развернувшись, я увидела ужасающую картину: моя мама, схватив свою тарелку, направлялась прямо к Эндрю.

– Мам! – закричала я. – Наш столик здесь.

Она меня не слушала. Продефилировав по газону, она остановилась перед Эндрю. Я даже не успела ее задержать.

– Молодой человек, – объявила мама, – следуйте за мной.

И он последовал.

Глава 9

Я понимала: если моя мама еще хоть раз рассмеется над очередной глупой шуткой Эндрю, я окончательно свихнусь. Сначала Эндрю сел с нами за один стол, потом показал маме миллионы фотографий (в том числе мою, на которой ему удалось запечатлеть то выражение лица, с которым я, видимо, смотрела на него постоянно). Теперь они обсуждали еду. Вернее, моя мама спрашивала: «А это из чего приготовлено?», – тыкая пальцем в угощения на своей тарелке. Эндрю вел себя вежливо, даже слишком вежливо, но в глазах у него мерцал насмешливый огонек, и я прекрасно видела, что про себя он тихо глумится над моей мамой.

Наконец я заметила, как Кэролайн идет к дереву, под которым раньше был установлен микрофон. Она огляделась по сторонам – вероятно, в поисках микрофона, который Мика где-то припрятала. Потом она прочистила горло и громко объявила:

– У меня есть для вас игра!

Мне казалось, что игру вести буду я. Но едва я встала с места, Кэролайн замахала на меня руками, как будто предусмотрела мою реакцию.

– Будет здорово, если в ней поучаствуют все мамы и дочки. – Она явно обращалась ко мне. – Вы все знаете, каков главный приз: барбекю!

– Барбекю? – переспросил Эндрю, когда Кэролайн принялась раздавать всем желтые листочки и ручки.

– «Барбекю Хэнка», – ответила мама. – Лучшее в городе.

– Единственное в городе, – добавила я.

– Потому и лучшее, – сказал Эндрю.

– Именно, – с улыбкой согласилась мама.

Я еле сдержалась, чтобы не фыркнуть. И как Эндрю удавалось завоевать расположение абсолютно всех моих близких?

– Вам стоит попробовать барбекю моего отца, – заявил Эндрю.

– О, дорогой, я с радостью попробую барбекю твоего отца, – ответила мама. Эндрю воззрился на меня, озадаченно приподняв брови.

– Мам, – мрачно протянула я.

– Что? Я просто констатировала факт. Если барбекю у него получается таким же вкусным, как эти забавные яйца, то оно мне непременно понравится. – Она помахала вилкой над кишем, к которому едва притронулась.

– В вашей закусочной разве не подают киш, мисс Эванс? – спросил Эндрю.

– Можно просто Ларисса. И нет, не подают. Наша специализация – жирные блюда из яиц и кучи сыра.

Кэролайн подала нам с мамой два желтых листка бумаги.

– Веселитесь, – произнесла она.

Вздохнув, я взяла бумагу и ручку. Эндрю наклонил голову, пытаясь прочитать, что написано на листке моей мамы. Она положила опросник на стол между ними.

– Ты мог бы помочь мне ответить на вопросы про Соф, – сказала она.

– Он не мог бы, – проворчала я. – Он обо мне ничего не знает.

Эндрю взял ручку.

– Я буду вашим секретарем, – сказал он моей маме. Быстро пробежав глазами вопросы, он начал зачитывать их: – Какая у нее любимая книга?

Я опустила взгляд, понимая, что у меня нет шансов избежать этой игры и чем больше я буду сопротивляться, тем больше Эндрю будет наслаждаться моментом. Притворившись, что мне все равно, я попыталась сосредоточиться на листке с вопросами. Мамина любимая книга. Она терпеть не могла читать. Отдыхая после работы, она или встречалась с подругами, или запоем смотрела какой-нибудь сериал. Я оставила поле пустым.

– Проще простого, – ответила мама. – Она любит «Гарри Поттера».

Я и правда любила «Гарри Поттера», но эти книги уже несколько лет как не занимали первую строчку в моем личном топе.

– Любимая музыка? – продолжил Эндрю.

Я написала «классический рок» на мамином опроснике.

– Ей нравится всякая попса, – ответила мама. – Типа Тейлор Свифт. Или этих ребят, которые одеваются в стиле восьмидесятых.

– «Walk the Moon»? – попытался угадать Эндрю.

– Может быть?

И снова она на пару лет отставала в своем представлении о моих вкусах.

– Самый неловкий момент в ее жизни? – зачитал Эндрю.

– Прямо сейчас – очень точный ответ. – Я подняла руку.

Мама рассмеялась.

– Нет-нет-нет. Я могу вспомнить и получше. Когда ей было двенадцать, мы были у озера в День независимости…

– Серьезно, мам?

Эндрю откинулся на спинку стула, как будто в ожидании, что перед ним вот-вот развернется увлекательное цирковое представление.

– …и ее вырвало прямо на Чарли, в которого она на тот момент была нехило так влюблена.

Я закрыла лицо руками.

– Бедняга Чарли, – прокомментировал Эндрю.

– Бедняга Чарли? – рявкнула я, подняв голову. – Он засунул мне в сэндвич червя из своей коробки с рыбными приманками. Он этого заслуживал.

– Да, Эндрю, будь осторожен, – расхохоталась мама. – Настраивать Софи против себя – опасная затея.

– Я боюсь, этот совет запоздал, – сказал он.

– О да, – заверила я его.

Мама разинула рот, а потом закатила глаза.

– Она просто шутит.

– Честное слово, не шучу.

– Вернемся к вопросам, – прервал нас Эндрю, снова склоняясь над листочком. – Что Софи любит делать, когда на улице дождь?

Мама прищурилась, задумавшись.

Водить машину – вот что я любила делать дождливым днем. Мне нравилось слушать, как дождь стучит по металлической крыше. Иногда я парковалась у озера, или у канала, или у исторического дома в центре города и смотрела, как вода идет кругами от капель или бурным потоком стекает с карнизов.

– Она ненавидит дождь. И боится грома.

Я изумленно вытаращилась на маму. Грома я уже давно не боялась.

Но потом меня осенило: мамино представление обо мне отставало не просто на пару лет – а ровно на пять. Она все еще жила тем летом, когда от нас ушел отец. После этого она просто перестала обращать внимание на что бы то ни было. Это не должно было казаться мне удивительным – оно и не казалось. Просто до настоящего момента у меня не было тому никаких доказательств.

Эндрю уставился на меня, и я поспешила снова нацепить маску безучастности.

– Это правда? – спросил он.

– Что – правда?

– Что ты боишься грома?

– Ты что, пытаешься сжульничать? На кону «Барбекю Хэнка».

На своей бумажке я написала ответ за маму: «Пить кофе и смотреть черно-белые фильмы». Когда я подняла голову, Эндрю рассматривал нас обеих, переводя взгляд то на меня, то на мою маму.

– Вы совсем не похожи друг на друга, – объявил он наконец.

Разумеется, он был прав. Моя мама была бледной голубоглазой блондинкой, я – шатенкой с оливковой кожей и темно-карими глазами.

– Софи вся в отца, – ответила мама. – Он был итальянцем.

– Есть, мам, – поправила я.

– Что – есть?

– Папа и есть итальянец.

– Был, есть. – Она невнятно помахала рукой в воздухе, как будто от времени глаголов ровным счетом ничего не зависело.

– Твой папа из Италии? – спросил Эндрю меня.

– Его родители. Он сам вырос здесь, – ответила мама вместо меня.

Возможно, почувствовав легкую угрозу в ее голосе, Эндрю решил воздержаться от последующих расспросов и вместо этого снова вернулся к списку:

– Окей, мисс Эванс, еще один вопрос. Назовите какую-нибудь вредную привычку Софи.

Мне стало интересно, что она сможет ответить на это. Пять лет назад я оставляла грязную одежду на полу, а всякие художественные принадлежности – на столе в полном беспорядке. На этом мои вредные привычки заканчивались. Взявшись за ручку, я чуть не записала на своем листке: «Мама вечно думает только о себе», – но заставила себя остановиться и вместо этого вывела: «Частенько опаздывает».

– Может, на этот вопрос ответишь ты? – обратилась мама к Эндрю.

Я скрестила руки на груди и воззрилась на Эндрю с вызовом, молчаливо пытаясь донести до него сообщение: Лучше тебе этого не делать. Но, как я уже поняла, вредной привычкой Эндрю было полное неумение прислушиваться к чужим советам, а поэтому он, разумеется, ответил.

– Вредная привычка? – Он пожевал губу и прищурился. – Всех критиковать. Или упрямство. Или замкнутость.

– Предполагалось, что ты выберешь один вариант ответа, – съязвила я.

– Я не удержался.

– Куда уж тебе. – Я выхватила бумажку из его рук. – Мне кажется, пора заканчивать. Все равно мы не сможем выиграть, потому что я участвовала в создании игры. – Ни в чем я не участвовала, конечно, но вся эта ситуация мне уже порядком поднадоела.

– Какая жалость, – сказала мама. – Мы бы определенно выиграли. – Она взяла мой листок и просмотрела, что я там написала. – Да, точно бы выиграли. Ты хорошо меня знаешь. – Она передала листок Эндрю, как будто детали ее жизни не были ему абсолютно безразличны. – Но ты ничего не ответила на вопрос про «самый неловкий момент», Соф.

– Я ничего такого не вспомнила.

Иногда я сомневалась, что мою маму вообще что-то могло смутить. Я знала, что она чувствовала себя униженной, когда мой отец бросил ее, чтобы открыть магазин для серферов в Южной Калифорнии и тем самым воплотить в реальность мечту всей своей жизни – с которой ни она, ни их дети, судя по всему, не имели ничего общего. Они с мамой всегда говорили, что поженились слишком рано. Они тогда едва знали друг друга.

Унижение и неловкость все-таки были разные вещи. В любом случае, вряд ли такое стоило писать на кусочке ярко-желтой бумаги в надежде выиграть поход на барбекю.

Глава 10

– Софи! – раздался радостный возглас.

Я развернулась. Миниатюрная фигурка, копна кучерявых волос – к нашему столу направлялась Джанет Эллер. Мы с ней жили на соседних улицах с незапамятных времен.

– Джанет! – откликнулась я, заставив себя воспрянуть духом. – Привет. Как твои дела? Остался месяц до праздника, готовишься?

– Через месяц у Джанет свадьба, – пояснила мама для Эндрю.

– Мои поздравления, – сказал он.

– Спасибо, – поблагодарила Джанет, поправляя кудри. – И нет, я совсем еще не готова. Чувствую себя курицей, которой отрубили голову. Бегаю из стороны в сторону без цели и смысла.

– Все образуется, – попыталась я успокоить ее.

– Я надеялась, что ты согласишься собрать мне букет.

– Разве не Кэролайн занимается цветами?

– Все верно, но я бы хотела, чтобы это сделала именно ты.

– Я? Почему я? – Я не занималась дизайном букетов. В смысле, занималась, конечно, но только в цветочном магазине и потому, что это была моя работа.

– Я видела в магазине несколько букетов, которые ты оформляла, – объяснила Джанет, расширив глаза. – Они такие классные. Ты не могла бы нарисовать для меня несколько вариантов, чтобы я из них выбрала?

Я неловко поерзала.

– Ох. Я правда думаю, что опытная флористка лучше тебе поможет. В конце концов, свадьба – такое важное событие.

– Софи, – произнесла мама, – попросили именно тебя. Будь увереннее в себе, детка.

Джанет положила руку мне на плечо.

– Слушай свою маму.

Моя мама только что в письменной форме доказала, что не знает обо мне ровным счетом ничего, поэтому я была совсем не уверена, что к ней стоит прислушиваться. Плюс ко всему, у меня почти не было свободного времени; мне нужно было работать над собственными дизайнами, а вложившись в оформление букета, я рисковала зря потратить творческую энергию. Но лицо Джанет буквально светилось надеждой, поэтому я спросила:

– У тебя есть какие-нибудь конкретные идеи?

– Нет. Поэтому я и прошу тебя. Будет здорово, если ты оформишь букет так, как сама считаешь нужным.

– Какое у тебя платье?

– Довольно традиционное. Приталенный лиф с пышной юбкой.

– Белое?

– Конечно. Ты что, хочешь, чтобы я погибла от руки собственной матери, даже не дойдя до алтаря?

Я улыбнулась.

– Хорошо, я нарисую для тебя несколько вариантов.

Она тотчас взяла стул и села рядом со мной.

– Я имела в виду… попозже, – пояснила я.

– А может, набросаешь что-нибудь простенькое сейчас? – Она открыла сумочку и извлекла из нее записную книжку и карандаш.

– Сейчас?

– Пожалуйста. Это бремя буквально висит на мне, и я хочу поскорее от него избавиться.

– Окей, наверное, я могу попробовать…

Я взяла записную книжку, пролистала множество страничек с заметками по поводу организации свадьбы и уставилась на чистый лист. Вдохновение редко приходило ко мне под чужими испытующими взглядами.

– Ты говоришь, платье традиционное? – Джанет кивнула. Я набросала примерный силуэт платья. – Вроде такого?

– Да, – сказала Джанет. – Фасон тот самый.

Какой букет мог подойти к такому фасону платья? Я какое-то время внимательно рассматривала линии, думая о симметрии.

– Думаю, тебе подойдет шарообразный букет. Я бы взяла бледно-розовые розы. Можно расположить их плотно и обтянуть какой-нибудь лентой, а среди них раскидать жемчужных акцентов. – Я сделала набросок и оценила дизайн. В голову пришел еще один вариант, и я перелистнула страницу. – Или можно выбрать более продолговатую форму: собрать розы в пучок и оставить стебли. Их можно будет обвить жемчужной ниткой или прозрачной лентой. – Закончив, я показала ей эскизы. – Мне нужно немного больше времени, чтобы довести эти идеи до ума, но для начала вот так.

Джанет просияла.

– Как ты это делаешь? – спросила она. – Замечательно вышло.

– Правда? – Я и сама чувствовала тепло удовлетворения от проделанной работы. – Могу придумать что-нибудь еще.

– Нет, правда. Очень здорово вышло. Обожаю эти наброски.

– Какой из них кажется тебе более подходящим?

– Круглый.

– Окей. Я над ним поработаю.

– Серьезно?

– Ну… да.

Джанет обняла меня, а потом сразу вскочила и направилась к Кэролайн, видимо, намереваясь тут же оповестить ее о наших планах.

– Смотри-ка, – объявила мама, поднимаясь с места, – рисуешь и все такое.

Если бы она хоть изредка обращала на меня внимание, то давно бы заметила альбом, который я таскала с собой повсюду. И как она еще его не увидела? Я постаралась не обидеться и еле справилась с эмоциями, что вот-вот могли вырваться наружу.

Мама бросила салфетку на свою тарелку и вытерла руки об джинсы.

– Ты куда? – Я не хотела, чтобы голос прозвучал отчаянно, но получилось, кажется, именно так.

Она показала мне время на экране мобильника.

– Я обещала Тэрин вернуться за Ганнаром к полудню.

Часы показывали половину двенадцатого. То есть, сейчас она вдруг решила вспомнить о пунктуальности?

Она сжала мое плечо.

– Увидимся дома. И, Эндрю, рада была с тобой познакомиться.

– Взаимно, мисс Эванс.

– Ларисса. – Она направилась к машине долгим путем, болтая с кем-то по дороге, но на самом деле пытаясь извернуться так, чтобы снова пройти мимо Джетта Харта.

Эндрю вздохнул.

– У тебя очень приятная мама.

Я пристально всмотрелась в выражение его лица. Интересно, он хоть когда-нибудь вел себя искренне? В ответ я просто кивнула.

Он дернул головой в сторону Джанет.

– Я впечатлен, Соф.

– Не называй меня Соф. И не издевайся.

Он слегка покачал головой, как будто в растерянности.

– Кто говорит, что я издеваюсь?

– Твое лицо.

– Те букеты, что ты нарисовала? Ты бы и для своей свадьбы хотела такие же?

– Видишь, я знала, что ты издеваешься.

– Просто спросил.

– Конечно, нет.

– Но разве не об этом она тебя попросила? Чтобы ты оформила букет, как считаешь нужным?

– Я предложила лучший вариант оформления букета, подходящего для ее праздника и платья. Мои вкусы не имеют значения.

– Как и в случае с этими композициями? – Он оторвал лепесток от одного из подсолнухов и уронил на белую скатерть. – Уверен, твое мнение и тут не играло никакой роли.

– Что ты хочешь сказать?

– Ты же хочешь быть дизайнером, так?

– Не то чтобы это тебя как-то касалось, но да. – Должно быть, ему рассказала Мика. Я мысленно поклялась прикончить ее позже. – Дизайнером одежды, не флористом.

– Настоящий дизайнер вкладывает частичку себя в любое свое творение, – глубокомысленно произнес Эндрю. – Тогда люди, которые видят твою работу, сразу могут сказать: это дизайн Софи Эванс. Тебе следует перестать так яростно соглашаться с чужими мнениями и исполнять чужие желания.

Я не верила своим ушам.

– Думаешь, если ты способен раскидать десяток картинок по сайту, то автоматически становишься экспертом в дизайне и стиле? – спросила я. – Сейчас у меня нет никакого имени. Люди хотят, чтобы предложенный мной дизайн подходил именно им. Вот что от меня требуется. А я отлично умею разбираться в том, кем люди являются и что они хотят. Отлично.

Я встала с места и пошла прочь, направляясь прямо к Мике, которая стояла рядом со столом с угощениями и болтала с Лэнсом. Увидев меня, она подошла ближе; на лице у нее появилось выражение беспокойства.

Я передернула плечами и поежилась, издав неопределенный звук отвращения.

– Кое-кто опять тебе надоедает? – Она перевела взгляд на Эндрю, слабо ухмыльнувшись. – Да он мастер действовать тебе на нервы, я погляжу. Надо взять у него парочку уроков.

– Очень смешно. – Краем глаза я заметила свою маму: она все еще болтала с Джеттом. Положив одну руку ему на плечо и наклонившись близко-близко, она

что-то увлеченно ему рассказывала. – Серьезно?

– Что такое? – Моя мама. Такими темпами я умру со стыда. Джетт теперь знаком почти со всей моей семьей. Он ни за что не воспримет меня всерьез.

– Твоя мама – не ты, – заметила Мика.

– Может и нет, но мы отражение друг друга, не так ли? Какая бы наша семья ни была, Мика, хорошая или плохая – она определяет, кем мы являемся.

Глава 11

Сообщение от папы пришло, когда я уже направлялась к дереву, под которым Мика уселась в ожидании ухода последних гостей.

Здравствуй, дочь моя. От тебя не было вестей уже пару недель. Как твое все?

У нас с отцом были странные отношения. Злилась ли я на то, что однажды он просто взял и оставил свою семью? Да. Понимала ли я его желание сбежать из крохотного городка в погоне за мечтой? Тоже да. Так что меня периодически разрывало между злостью и сочувствием.

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: https://tellnovel.com/ru/uest_keysi/vozmozhno-na-etot-raz

Текст предоставлен ООО «ИТ»
Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: Купить